

ЛЕОН ЛАНЧЕВСКИ

ВЕНЕЦ ИЗ ЛЕЗВИЙ
МЕСТЬ ФАРАОНОВ

18+

Леон Ланчевски

Венец из лезвий.

Мечь фараонов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72373432

SelfPub; 2025

Аннотация

Гробницы, спрятанные артефакты и зловещие сундуки обычно живут на страницах фантастических романов о древних цивилизациях. Но что, если они вдруг окажутся в России – и не когда-нибудь, а прямо сейчас?

Компания друзей решает открыть бизнес, выбрав для штаб-квартиры место с темной историей. Путь к кабинетам и переговорным превращается в запутанный лабиринт, где граница между реальностью и фантазиями стирается, рабочие задачи наполняются искрами страсти, а любовь ведет к жестокости. Дружба испытывается на прочность: вместо лавровых венков на головы бизнесвумен ложатся острые диадемы, и не всем удастся пройти испытание до конца.

«Венец из лезвий. Мечь фараонов» Леона Ланчевски – это триллер, который флиртует с психологической драмой и любовным романом, увлекая читателя в экскурсию по скрывающим тайны темным подвалам и мрачным закоулкам человеческих душ.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Девушки Юность – счастливейшая пора.	7
Глава 2. Вероника. Ключ.	15
Глава 3. Инга	18
Глава 4. Особнячок	24
Глава 5. Центральная. Первая встреча.	28
Глава 6. Серый. Торги.	32
Глава 7. Светка. Набор персонала.	37
Глава 8. Анна. Итого.	43
Глава 9. Светка. Память.	50
Глава 10. Анна. Из пережитого.	53
Глава 11. Центральная. Начало Охоты.	58
Глава 12. Вероника. Потолок.	69
Глава 13. Вероника. Тайна.	74
Глава 14. Инга. Попал.	81
Глава 15. Светка. Уборка.	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Леон Ланчевски Венец из лезвий. Месть фараонов

Пролог

Воздух пропитан запахом горелого пластика, крови и металлической трухи. Зеленый Jaguar F-PACE, лежит на боку, превратившись в грудку искореженного металла и стекла. Капот разорван и смят. Зеленый кузов покрыт глубокими трещинами, вмятинами и следами крови. Лобовое стекло разбито на тысячи мелких осколков. Из-под капота валит густой пар, смешивается с запахом горячего масла, гари и крови.

Рядом на земле – два тела в черных пластиковых мешках.

Пожилой мужчина с рассеченным лбом стоит на коленях, прикованный наручниками. Он неловко крестится снова и снова, что-то шепчет. Одежда залита кровью – своей или чужой, неизвестно. За ним двое сотрудников особого отдела.

Почти невредимый «мерседес» с тонированными стеклами и открытыми дверьми припаркован чуть дальше по дороге.

Эмчезовцы работают быстро, слажено. Пытаются достать кого-то, придавленного крышей. «Жив!», – кричит один, все

вздрагивают.

Вращая лопастями, ждет вертолет медиков, готовый унести прочь. Рядом с ним стоит полковник – седой, с сигаретой в руке. Он курит одну за другой, не глядя. Безостановочно качая головой

Неподалеку двое мужчин в деловых костюмах. Один – высокий, с аккуратной щетиной и короткой стрижкой. Второй – ниже, с лысиной и вечной папкой в руках. Они говорят тихо, почти шепчут, но в голосах слышна тревога. Стараются не привлекать внимание.

– Что тут за побоище-то?

– Вроде машина жены самого Центрального.

– Да ты что?! А убитые-то кто?

– Да не знаю я, разберутся.

– Ну хоть не жена его?

Второй пожимает плечами.

– Одно скажу – нас сюда так гнали, будто конец света. Все на ушах.

Первый кивает, сжав зубы.

– Странно все это, – показывает на пожилого мужчину. – А этот здесь зачем?

– Говорят, причастен. Вот только его еще не хватало! Сейчас начнется. Мутная какая-то история. Но! Тут главное не лезть наперед. Разберутся. Меньше знаешь – крепче спишь.

Они замолкают. Смотрят на тела, разбитые машины. Мужчину, который продолжает креститься. На лице одно-

го – страх. У другого – холодное равнодушие. Второй достаёт телефон, делает короткий звонок. Несколько раз говорит: «Да». Где-то далеко воеет сирена. Ветер поднимает бумажный пакет. Который теперь кружится над местом аварии, будто душа одного из убитых. Холодный воздух пробирает до костей. Славный выдался денек.

Глава 1. Девушки Юность – счастливейшая пора.

«Три девицы под окном собрались над вином», – нараспев продекламировала Вероника и печально потеряла шелущащийся от ветра и вечных приключений нос. На щеке красовался свежий синяк, замазанный тональным кремом. А коленка через рваные джинсы сверкала предательской полоской зелени. Вино разлили по трем стаканам сомнительной чистоты, на дне которых скопился мутноватый осадок. Но яркий рубиновый цвет божественного напитка не позволял усомниться в его благородном происхождении. По крайней мере, так хотелось думать.

Юная Инга аккуратно повернула стакан к тусклому свету настольной лампы. Темные глаза хищно прищурились. Накрашенные алым блеском губы презрительно кривились. Она, как всегда, выглядела безупречно: длинные черные волосы, тщательно выпрямленные утюжком, облегающее платье, выгодно подчеркивающее фигуру. И высокие каблуки – даже в этой обшарпанной комнате. А то! Она оглядел своих юных приятельниц. Куда им до нее. Вероничка еще ладно – своя в доску. Ну а эта мелкая крыска Анька – та еще штучка. Все вязалась и вязала к ним с Вероникой, того и гляди, начнет претендовать на звание лучшей подруги. А это место

было занято – навсегда, навечно. Это ее личная должность – Инги. Вероничка была ее, и точка. И никаких возражений: она ее первой нашла и взяла себе. И нечего тут. Ну-ка, попробуй поспорить с ней, великой и могучей. А кто сомневался – запросто мог и по шее получить. Особенно Анька.

Вероника сделала глоток и закашлялась.

– Не, не прет сегодня, вообще не могу! – поставила стакан на стол. С любовью и безграничной нежностью смотрела на своих таких разных девочек. Инга, которая дулась ни с того ни с сего. Анька, недавно прибившаяся к ним. Хорошие какие. И всегда с ней, с Вероникой. Теперь не надо бояться ночами, что бабка внезапно умрет и Вероника останется с ней одна до утра. Инга, которая цапалась со своими каждый день да через день, уже вообще к ней почти переехала. У Аньки ее строгие родители собрались отправиться на продолжительную исследовательскую работу за рубеж, и непонятно, когда вернутся. Поэтому она теперь все время с ними, как ниточка за иголочкой и игольным ушком. Как же она всех их любила! Вероника все умела – и готовить, и убирать, и даже подлеживать вечные ссадины, царапины и укусы на Инге, которая дралась, как пацан. Она все-все для них сделала бы. Только пусть с ней будут. Не уходят. Не бросают.

Анна осторожно держала стакан двумя неухоженными руками. Ее длинные редкие русые волосы были туго заплетены в две жиденькие косицы и уложены корзиночками над ушами. «Девочка должна быть аккуратной!» Да никто бы ее без

этой затянутой дряни на голове и из дома бы не выпустил. Круглые очки в металлической оправе сползали на кончик носа. На ней была футболка с логотипом научного института и выдавшие виды спортивные штаны. Она прекрасно помнила, как впервые увидела Ингу и Веронику во дворе. Через окно. Они лепили снеговика и смеялись, а мама тогда сказала: «Девочки, которые тратят время на игры, становятся статистической погрешностью». Потом много раз видела Ингу, удирающую от отца или старшей сестры на огромных каблуках. Иногда они догоняли – тогда дрались и волокли ее, упирающуюся, обратно. Но она все равно убегала, только позднее.

Веронику, пухлую и тихую, с вечной булкой в руках, которая в бесконечном патруле ждала свою отчаянную подружку, а заодно кормила голубей, котов и щенков. Некоторых даже брала домой. Всех лечила, клеила пластыри и мазала зеленкой.

Если бы Анна могла прыгнуть к ним из этого окна, она бы помогала им. Потому что они обе делали многое неправильно. Но теперь она была с ними в одной компании и даже дома у Вероники. Значит, не все потеряно. Она сможет с ними подружиться. Даже с этой злой и надменной Ингой. Потому что Анне так хотелось быть такой, как она. Ходить так, одеваться и даже немного краситься. Но! Инга все делала слишком! И ее Анна бы научила, как надо, чтобы было лучше. А Веронике нечего так много есть сладкого и мучно-

го. Ох, замучается она с ними, а куда деваться. Такой уж она родилась. Как мама говорит: «У каждого свой крест».

– А вот скажите, девки, – медленно растягивая слова и призывно поведя плечами, промурлыкала Инга, не отрывая прищуренного взора от стеклянной поверхности, – миллион... Это много или достаточно?

– Смотря чего, когда и на каких условиях, – рассудительно ответила Анна, поправляя очки. – Миллион рублей? Миллион долларов? Сейчас? Через десять лет? И что взамен?

– Да много, наверное, – нерешительно протянула Вероника, – куда столько? С таким-то богатством – и на свободе? Не по нашим краям.

– Отчего же, не скажи, – кокетливо улыбнулась Инга. – Сейчас самое то время. А куда бы кто его растратил?

– Просто все, – фыркнула Анна, отпив маленький глоток вина. – Часть для будущих свершений, часть на покрытие расходов, а маленькая, но самая сладкая часть – для души.

– Это как? – поинтересовалась Вероника.

– Просто. Украшения, фейерверки... и тусовки с нарядами, – мечтательно произнесла Инга.

– Страны разные, экзотические... – подхватила Анна.

– Море, море! Забыли! – воскликнула Вероника.

– Икра и коньяк, – добавила Инга, облизывая губы.

– Да откуда ты знаешь про коньяк? – усмехнулась Анна.

– У начальника папки моего на именинах пила, – пожала плечами Инга. – Бутылка машину стоит. Одну рюмку.

– Врешь! – недоверчиво протянула Вероника.

– Seriously, круто забирает, – заверила Инга. – Да еще квартиры всякие, большие, светлые... и в центре бассейн, как в кино. И солярий.

– Греки, турки, американцы... – мечтательно вздохнула Вероника.

– Негры, эскимосы, верблюды и... – начала перечислять Инга.

– Дура! – засмеялась Анна.

– Сама дура! – огрызнулась Инга.

Инга одним лихим глотком осушила свой стакан вина, отчего ее глаза стали похожи на большие черные виноградины. Но поторопилась – и, выдохнув, забрызгала всю компанию красным полусладким. Визг поднялся нешуточный. Девицы вскочили, вытирая, а больше растирая темно-бордовые брызги. Сладкую кровь. На бутылке было написано, что медвежья. Задохнувшаяся и красная как рак Инга сердито схватила Веронику за ногу. Кучей мала все трое рухнули на потертый прикроватный коврик. В свалке мелькали руки-ноги, носки-трусы, обрывки мечтаний и смеха. Только темное пятно растеклось по коврику, да так там и осталось. Забытое, неровное, ставшее почти черным.

– Девочки! – раздался из другой комнаты грозный голос Вероникиной мамы, всего лишь на пару дней вернувшейся из своей геологической экспедиции. – Прекратите немедленно! Или по домам! – и дверь недовольно захлопнулась.

– А еще! – шепнула Инга, сверкая глазами. – Любви хочу! Как в книжках, чтобы до края, до самого, до самого! И умереть в один день!

– Нашла, чего хотеть! – фыркнула Анна и поправила очки. – Вот представьте, девки, управлять миром! Чтобы все было в твоих руках!

– Вот ты дура, Анька! – тихонько хихикнула Инга. – Руки-то не оборвут тебе? Зачем оно надо, напрягаться?

– Не знаю, девочки, – Вероника мечтательно смотрела в потолок и краснела. – Я хочу, чтобы просто. Дети, муж молодой. Только не старый чтоб. Такой, веселый, чтобы смеялись вместе.

– И ты дура, Вероничка! – пыхтела Инга. – Давайте лучше еще про бриллианты и яхты! Шикардос!

В комнате наступила тишина. Бутылка, словно уличенная в преступлении, мгновенно исчезла в недрах бельевого шкафа. Стаканы, как испуганные мыши, закатились под кровать. Девицы, запыхавшиеся и разгоряченные, сталкивались вспотевшими лбами, к которым прилипли разноцветные пряди выбившихся из причесок волос, и шептались о будущих сокровищах и головокружительных приключениях.

Они так и заснули. Вместе. Втроем. Метались и ворочались на узкой продавленной кровати, вздыхали и вздрагивали, пытались поймать ускользающие сны. Потому что в возбужденных девичьих мыслях бродили прекрасные темнокожие принцы, точно сошедшие со страниц глянцевого журнала.

лов. Сверкали ослепительные бриллианты, шелестели изумрудные пальмы и грациозно покачивались белоснежные яхты под ласковым солнцем. Но это все не главное. Потому что рядом было теплое и надежное плечо подруги, локоть к локтю. Нерушимая стена. Спокойная и вечная, как скала Аю-Даг в Артеке, возвышающаяся над безмятежным морем детства.

Шелестящим осенним ранним утром, когда город еще окутался дымкой сонного оцепенения, одна из них проснулась. Анна. Дрожа от пронизывающей прохлады, пропитавшей тонкую влажную рубашку, и тягучего, липкого кошмара. Она долго и пристально всматривалась в еле светлеющий проем окна.

Там, за мутным стеклом, горел неясный свет уличного фонаря, отбрасывая причудливые тени на опавшие листья. Холодные половицы в старом доме недовольно скрипели под почти невесомыми, еще детскими ступнями. Она крадучись подошла к окну и посмотрела вниз, на темный асфальт, сырой от ночного дождя. Подруги мирно сопели, от них исходили тепло и покой.

– Хочу миллион, – тихо произнесла она, обращаясь к темноте. Голос, еще не проснувшийся, хрипел. Она дышала на холодное стекло и неуверенно писала дрожащим пальцем шесть круглых нулей, вкладывая в них всю свою детскую надежду. А потом, точно испугавшись собственной дерзости, стирала их узкой ладошкой. Оставляя мутные разводы.

Бегущий по своим неотложным делам ранний прохожий, сгорбившись под порывами ветра, почему-то поднял голову. Увидел в окне хрупкую девчушку с только начинающей наливаться грудью, задумчиво улыбающуюся чему-то своему, сокровенному. Ободряюще махнул ей рукой. Она в ответ важно кивнула, чувствуя себя взрослой и ответственной. Стекло медленно затягивалось непрозрачным налетом осевших капель, скрывая ее от посторонних глаз. Кроме той небольшой полосы, где совсем недавно были начертаны и стерты несбыточные нули. Она специально осталась чистой, напоминая о заветной мечте.

Миллион... Чего-то очень хорошего, но отчего-то страшного.

Глава 2. Вероника. Ключ.

Из-под массивного дубового стола, словно из темной пещеры, торчат два совершенно разных, но по-своему привлекательных женских зада.

Вероника с удовлетворением отмечает, что ее джинсовая юбка с лихо сбитой на бок шлицей выглядит куда живее, чем этот скучный карандаш Анны.

Она выползает из-под стола, воинственно потрясая в воздухе ржавым ключом внушительных размеров. Назойливые светлые пряди лезут в глаза, а липкая паутина облепляет все лицо.

– Чтоб их всех здесь и одновременно! – ворчит Вероника, отряхивая с себя невидимую пыль. Ее юбка уже успела покрыться серыми разводами. – Это не щели в полу, это настоящие овраги. Того и гляди, найдем тут пару-тройку надежно спрятанных трупов.

– Или клад, – лениво парирует Анна, брезгливо оглядываясь по сторонам. Ее черная юбка-карандаш остается безупречно гладкой, будто она и не ползала по грязному полу.

Вероника пыхтит, выбираясь из-под стола.

– Всего пара лишних килограммов, – утешает она себя. – Временные трудности.

В отличие от Анны, которая встает легко и грациозно, буд-

то вышла из лимузина, а не из-под старого стола, Вероника поднимается медленно, с усилием, с опозданием, с песком между пальцами и паутиной на плечах.

Проклятый ключ! Единственный ключ от этого чертова шкафа, пережившего даже пожар. Сначала он нагло торчал в замке, но не поворачивался. Его поливали маслом, пытали пассатижами, били молотком – бесполезно. А когда Вероника в ярости ударила по дверце, ключ вылетел и нырнул в эту дурацкую щель.

Теперь он лежит у нее в кармане, бесполезный и покореженный.

– Добро! – говорит Вероника. – Устроим мы тебе, железка, переплавку. Пойдешь на гвозди.

– Надо Майора звать, – задумчиво произносит Анна, поправляя очки. – Он у нас великий технический гений.

– Можно еще на зону заявку отправить, – не унимается Вероника. – У них там по таким замкам целые кафедры.

Анна презрительно ведет плечом:

– Да там и нет ничего ценного.

– Раритет! – парирует Вероника. – Дедушка отечественных сейфов.

Они были подругами еще со школы, прошли огонь и воду. Теперь – партнеры в «ИВА» (или WILLOW для приличного общества). Но на этом сходство заканчивается. И да, все четко понимают, что медные трубы еще впереди.

Пока они возятся с ключом, Инга, третья в компании, про-

бывает очередную высокопоставленную дверь, добывая последнюю подпись. Вероника мысленно желает ей удачи – их «бедному пушистому деревцу» оно очень нужно. Право собственности.

Глава 3. Инга

Как-то Инга брела по пыльным тротуарам в глубокой печали и тоске, вызванным очередными превратностями коварной судьбы. Все мужчины, как один, оказались... гадами, что для взрослой женщины не новость. Деньги же, как назло, липли только к большим деньгам. А когда есть проверенные временем старые друзья, то зачем, спрашивается, нужны какие-то враги?

Оставив свой дорогой автомобиль на охраняемой стоянке, Инга решила найти хоть кого-нибудь и вдоволь нажаловаться на несправедливо устроенную жизнь. Ну хоть кому-нибудь! Ее очередной бизнес-проект лопнул. Муж орал, как всегда. Да, не в первый раз. Ну и что. Работать на кого-то, пусть даже очень хорошего, Инга уже давно разучилась и не испытывала к этому особенного желания.

В ее элегантной сумочке тихо плескалась бутылочка не дешевого французского вина, которое она собиралась великодушно разделить с одним из дружелюбно настроенных возлюбленных. Правда, еще не решила окончательно, с которым.

Когда мимо нее, едва не задев, на асфальт с характерным звуком смачно шмякнулся «привет» от пролетавшего голубя, Инга невольно чертыхнулась и раздраженно подняла глаза к небу.

Солнце в этот момент уже клонилось к закату, окрашивая все вокруг в теплые, нежные тона. И вдруг весь этот обгоревший, разрушенный в хлам, злополучный особнячок стал до боли похожим на что-то очень знакомое из далекого детства. Отчего внезапно захотелось запеть патриотические песни и незамедлительно организовать какой-нибудь ударный коммунистический субботник. И чтобы маленький, наивно-беспощадный лысый человечек с плаката бодро нес на своем крепком плече бревно из папье-маше.

«А ведь, если хорошенько подумать, – вслух сама себе сказала Инга, забыв на мгновение о своих тридцати трех самых преданных и страстных поклонниках одновременно, – и если все это дело грамотно повернуть, как полагается... Фу, воняет-то здесь!»

Воняло сильно. А как же иначе? Ведь туалетов в радиусе километра, как назло, не было. «А уж если кое-кого привлечь к делу, да без процентов, да еще и умеючи...» А на что же в итоге оно, все это, походило?

«На! Крепость!» – гордо и уверенно произнесла Инга вслух. И испугнутые ее голосом голуби с шумом взлетели на полуразрушенную башенку, заворковали там, гоняясь друг за другом в безумном танце. А Инга, неприлично задрав голову к небу и слегка скривив рот в задумчивой гримасе, интенсивно грызла свой длинный, красивый и ужасно дорогой нарощенный ноготь. Глаза, так часто остававшиеся равнодушными ко всему, происходящему вокруг, вдруг потемне-

ли, стали мечтательными, чуть взволнованными.

Если бы ее тогда увидели многочисленные недруги и завистники, они бы единогласно решили, что беспощадную Ингу Центральную окончательно и бесповоротно скосил какой-то коварный душевный недуг.

И были бы абсолютно правы в своих подозрениях. Потому что настоящее название этого состояния – надежда на лучшее будущее. Которая, как известно, умирает последней. И неясно, что опаснее: безумие в чистом виде или наивные грезы наяву, подслащенные розовыми надеждами. И так ли уж далеко одно ушло от другого, как нам пытаются внушить мудрецы?

Далее для Инги начались долгие и мучительные поиски крайних и ответственных, бесконечное заполнение бессмысленных образцов, изматывающее хождение по кабинетам и унижительное выслушивание презрительного «приходите завтра». Но она не сдавалась, продолжала поиски возможностей, не давала покоя надежным заступникам, умело плела интриги и ловко обходила все бюрократические ловушки. Потому что Инга, как опытный камешек, была бита, катана жизнью. И знала: «Под лежащий камень и вода не течет!»

В итоге она справилась, выстояла. Отстрелялась от назойливых конкурентов и, как планировала, одержала безоговорочную победу. Обняв увесистую кипу долгожданных документов и нерешительно подойдя к ставшей ее по праву соб-

ственности, Инга глубоко задумалась, глядя на обшарпанные стены и зияющие проемы окон. Потому что это, как известно, совершенно нормальная ситуация – сначала ввязаться в драку, а потом уже тщательно подумать, зачем, собственно, тебе все это понадобилось.

Эх, да вот еще один момент. На торгах ее занесло, когда вдруг непонятно откуда взявшийся оппонент начал резко повышать ставки. Проигрывать она не любила. Пришлось превысить разрешенный лимит. Вдвое. Центральный будет в ярости.

Инга, сколько себя помнила, всегда ставила перед собой цель и шла к ней. Медленно, неуклонно, как нефтяное пятно расплзлось по водной глади, поглощая и уничтожая все живое на своем пути. Семья ее особым достатком не отличалась, Инга была младшей дочерью, как говорили в народе, поскребышем. Но если вдруг ей понадобился пластилин для школьных занятий, вполне могло случиться, что грозный и скорый на руку папашка останется без курева.

Банты на косичках у Инги всегда были самые белые, воротнички пришивались на форменное платье ежедневно и не иначе. На первом же классном собрании, едва освоившись в новой школьной обстановке, Инга уверенно подняла руку и заявила еще робким и несмышленным первоклашкам, что из всего класса видит только одну достойную кандидатуру на уважаемую должность старосты – себя. И самое странное – все как один проголосовали за нее.

В седьмом классе ей вдруг захотелось желтое пальто. И все. С этого момента каждый ее день начинался в четыре часа утра. Старшая сестра к тому времени уже работала в местном кафе, а Инга, пока никто не видел, старательно заматывала лицо теплым шарфом и надвигала берет низко на глаза, усердствуя в мытье огромного торгового зала и грязных подсобных помещений.

А вечером, после утомительных занятий в школе, крадучись, пробиралась в подсобку того же кафе, где насмерть сражалась с остатками своей совести, помогая старшей сестре переклеивать этикетки на бутылках с дешевым вином. Как будто оно дорогое. А что делать? Пальто-то хотелось. И оно у нее появилось. Такого не было ни у кого во всей школе.

Шум на крыше отвлек Центральную от работы с документами. Ободранного вида кот, явно не привыкший к сытой жизни, с яростным рыком набросился на мирную голубиную компанию.

Множество крыльев взметнулось одновременно. Звук взлетевших в панике птиц напоминал глухой удар. На какую-то долю секунды потемнело в глазах. Захотелось бросить эту проклятую пачку недочитанных документов в сторону зияющего, раскрытого, как безмолвные черные десны, здания и убежать без оглядки. Чтобы шаги гулко и одиноко отдавались в искореженных и полуразрушенных стенах.

– Они бились долго, упорно и насмерть. Только вот никто из них так и не узнал, за что, собственно. И когда это все

кончится.

Центральная машинально почесала упрямую переносицу острым бумажным уголком документа. Внезапный крик разрезал тишину, повисшую над обугленными развалинами: «Женщина! Подождите!».

Глава 4. Особнячок

Двухэтажный особнячок, словно сошедший со страниц сказок про принцесс – даже с башенкой на самом верху – когда-то был унылым складом, заваленным коробками с пыльными товарами народного потребления. Потом он превратился в киоск «Соки – Воды», где предлагали скудный ассортимент газированных напитков. А после стал загадочным и неприступным НИИПРО, где, по слухам, разрабатывали какие-то секретные проекты.

Все изменилось однажды ночью, когда офис, в котором перебивался с черной икры на красную несчастный, заваливающий директор этого самого НИИПРО, внезапно вспыхнул ярким и зловещим пламенем. Жилыцы близлежащих пятиэтажек еще долго потом с содроганием рассказывали, как гигантские снопы искр вылетали фейерверком в темное небо, а едким дымом и копотью на долгие дни затянулся весь район.

Подоспевшие пожарные, рискуя жизнью, безрезультатно ломали двери и окна, надежно перекрытые железными решетками и бронированными пластинами. Дабы не допустить уничтожения жилого массива в целом, отчаявшимся работникам воды и топора пришлось протаранить толстую кирпичную стену, чтобы добраться до очага возгорания. Оттуда вырвался такой неистовый поток пламени, что им пришлось временно отступить, чтобы переждать самый острый и опас-

ный момент вдалеке.

Внутри с оглушительными хлопками взрывались раскаленные компьютеры. Разноцветным конфетти вылетали в воздух обугленные полосы перфоленты. Обрывки бывших секретных документов подхватывал жаркий вихрь и носился с ними над полыхающим зданием, как стая обезумевших горящих птиц.

Пламя постепенно угасло, оставив после себя лишь обугленные стены, зияющие оконные проемы и горький запах беды. Пожарные выполнили свой долг, собрались и покинули место происшествия, унеся с собой груз в 200 единиц. Два обгоревших тела нашли на пепелище. А вот директор НИИ-ПРО словно испарился в языках пламени.

Аккуратные и хозяйственные соседи из близлежащих пятиэтажек, не теряя времени даром, принялись добросовестно перетаскивать из заброшенного, обгоревшего монстра все, что могло пригодиться в быту. Кто-то даже умудрялся приспособить для этой благородной цели небольшие садовые тачки, набивая их доверху обгоревшими досками, кусками арматуры и прочим добром. Не было, наверное, ни одной квартиры в округе, где не сохранилось бы на память о пережитом хотя бы обгоревшей ручки от двери или куска оплавленного линолеума.

Наконец, то, что хоть как-то годилось в хозяйстве и плохо лежало – фактически все – было аккуратно прибрано к рукам и пущено в дело. По осиротевшему зданию, словно

черные грачи, день и ночь ползали стайки местных пацанов, исследуя каждый закоулок. Кто-то украдкой курил, поплеывая на осколки разбитых дисплеев, а кто-то баловался вещами посерьезнее, испытывая на прочность остатки бывшей секретности. Пару-тройку раз случались мелкие поджоги, устроенные ради забавы, которые, впрочем, без серьезных последствий тут же были потушены самими же подростками, убоявшимися ответственности.

Личностью директора долго интересовались не только компетентные органы, но и структуры, далеко выходящие за рамки закона. Но никого и ничего так и не нашли, что прояснило бы происшествие. Несколько раз к руинам подъезжали приметные автомобили с наглухо тонированными стеклами. Из них выбирались и мрачно бродили по пожарищу здоровенные представители различных организованных формирований, брезгливо поддегивая от грязи фирменные штаны.

Местный народ с живым интересом понаблюдал за этим, немного посудачил на лавочках да постепенно забыл о происшествии. К выводу пришли простому и житейскому: «Когда на складе чего-нибудь не хватает, всегда случается пожар. Убытки списывают». Но, любовно поглаживая свои трофеи, многие вечерами кручинились, красочно воображая, чего же там такого ценного не доставало на самом деле. И главное – сколько это могло стоить.

Долго стоял бесхозный и страшный домик во дворе уны-

лых хрущевских пятиэтажек, словно живое напоминание о бренности всего сущего. Черные провалы окон с провисшими, оборванными остатками проводки и никчемными вывороченными решетками напоминали глазницы вымершего чудовища. Закопченный кирпич, во многих местах потрескавшийся и вывалившийся бесформенными кусками, обнажал уродливый скелет здания. Пробой в стене, оставленный пожарными, не зарастал, а лишь увеличивался со временем, угрожающе напоминая глубокую трещину в черепе из какого-нибудь фильма ужасов.

Но наших людей на мякине не проведешь. Следующей осенью, когда пришло время собирать урожай, самые предприимчивые из местных жильцов начали потихоньку копать себе небольшие погребки прямо под стенами обгоревшего особняка, чтобы надежно спрятать туда драгоценные запасы картошки и солений на зиму. Когда кому-нибудь не хватало кирпичей для строительства сарая или ремонта забора, можно было просто подойти к зияющей стене и отковырнуть от нее немного строительного материала, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести.

Все это постепенно ветшало, рушилось и зарастало бурьяном, пока однажды мимо печального зрелища случайно не прошла Инга. Центральная, как все звали ее между собой по фамилии мужа. С неумемной энергией, амбициями и умением находить возможности там, где другие видели лишь руины.

Глава 5. Центральная.

Первая встреча.

Инга, погруженная в изучение обугленных останков своего проекта, вздрогнула и резко обернулась. К ней спешил мужчина лет за тридцать, бежал так, словно от этого зависела его жизнь. Среднего роста, крепко сбитый, но какой-то... потертый. Словно его долго носили, мяли, а потом выбросили на задворки. Светлые волосы выгорели под палящим солнцем, оставив лишь легкий отблеск золота, а глаза... Глаза цвета летнего неба смотрели с усталой надеждой, приправленной изрядной долей настороженности. Бывший военный, сразу поняла Центральная. Выправка – даже в поношенной куртке и вылинявшей футболке – выдавала себя.

Он подошел, остановился в нескольких шагах, прокашлялся, словно собираясь с духом. Видно было, что слова даются ему нелегко, что каждое предложение приходится выковыривать, как осколок.

– Извините, что отвлекаю, – начал он, запинаясь. – Я... Иван. Вижу, вы тут с бумагами возитесь. Что-то сгорело? У вас?

Центральная скользнула по нему цепким оценивающим взглядом. «Простой, как валенок», – подумала она с иронией. Но что-то в его голубых глазах цепляло, не давало отмах-

нуться, как от назойливой мухи.

– Да, есть немного, – сухо ответила она, стараясь скрыть раздражение.

Не хватало еще, чтобы какие-то мужланы лезли со своим сочувствием.

– Может, помощь нужна? – спросил Иван, не отводя взгляда. – Охрана, например? Я... есть опыт.

В голосе звучала отчаянная решимость. Центральная усмехнулась про себя. Вот оно что. Увидел «богатую женщину», кружащую возле пепелища, и решил попытать счастья. Найти себе временную крышу над головой. Все они одинаковы.

– Опыт? – переспросила она, вскинув бровь. – Судя по всему, опыт у вас действительно есть. Вопрос лишь в том, зачем он вам здесь, Иван? Тут же пепел один, воспоминания да горечь. Что тут охранять?

– Жить как-то надо, – пожал плечами Иван, стараясь сохранить самообладание. – А тут... вдруг пригожусь. Глаза есть, руки есть, соображаю. Пока.

Центральная помолчала, продолжая разглядывать его, словно экспонат в музее. Что-то в этом парне не давало ей покоя. Не его внешность, хотя и голубые глаза, и выгоревшие волосы, и жилистая фигура, проступающая под дешевой одеждой, были вполне... привлекательными. Скорее, эта странная смесь растерянности, мужества и неуверенности в себе. И смелость – пусть и пробивающаяся сквозь слои ком-

плексов и заниженной самооценки. Он нищий, это очевидно. Упрямый. Забавный. Хорошая жертва.

«Он мне интересен», – внезапно подумала она. И это чувство одновременно возбуждало и настораживало. Она привыкла все контролировать, а этот Иван со своими глазами выбивался из ее привычной картины мира.

– Хорошо, – сказала она наконец, словно принимая важное решение. – Вот моя визитка. Позвоните завтра. Если передумаю, просто не отвечу.

Она протянула ему карточку из дорогого тисненого материала. Решением графического дизайнера, визитка была слегка опалена по краям, словно напоминая о цене, которую пришлось заплатить за успех. Иван взял ее осторожно, боясь сломать или испачкать.

– Спасибо, – пробормотал он, словно боясь спугнуть удачу. – Я обязательно позвоню.

Центральная развернулась и пошла к машине, не удостоив его больше ни единым взглядом. Внутри бушевал ураган противоречивых эмоций. Она, конечно, замужем, ее муж влиятельный и обеспеченный человек. Но их брак давно превратился в удобную ширму. Для того и для другого. И Центральная привыкла сама принимать решения, сама строить свою жизнь. Этот Иван, случайно возникший на ее пути, мог стать... кем угодно. Проблемой. Развлечением. Или даже.... Никаких даже.

Садясь в машину, Центральная украдкой взглянула в зер-

кало заднего вида. Иван все еще стоял на фоне пепелища, держа в руке ее визитку, точно та была ключом к новой жизни. «Что ж, — подумала она, — посмотрим, что ты будешь делать с этим ключом».

Вот он какой, образ жизни современного капитализма. Нужны сподвижники. Надежные, профессиональные и, хотя бы поначалу, совершенно бескорыстные. И где только таких набрать?

Но когда процесс пошел, когда первые сделки были заключены, а прибыли стали расти, не раз и не два мрачнела Центральная, думая про ту самую подпись кровью на затерянной грамоте. Слишком уж шатким оказалось ее положение, слишком много зависело от этих старых связей, от былой дружбы, которая в любой момент могла обернуться предательством. Ох, не проста жизнь и деятельность современной русской женщины, строящей свой бизнес с нуля. Опять. Одно, впрочем, грело душу и придавало сил — пресловутый 51%. Тот самый контрольный пакет, который в надежном месте обеспечивал бесспорное право на совладение. А также давал ей чудное ощущение превосходства над всеми этими временщиками и прихлебателями.

Глава 6. Серый. Торги.

Укромное место рядом с пепелищем. Внутри черного Mercedes G-Class Сергей.

Серый сидит на заднем сиденье, Бом – за рулем, представитель торгов – на переднем пассажирском сиденье. Атмосфера в салоне автомобиля более чем напряженная, гнетущая. Серый наблюдает за Ингой и незнакомцем в бинокль, его лицо искажено яростью. Вот Сергей опустил бинокль. Он сжал прибор так, что пальцы побелели. Медленно повернулся к своим спутникам, и его низкий, шипящий голос заполнил салон машины.

– Вы видите это? Видите, как она ходит по моему пепелищу, как королева на развалинах? А этот... этот мужик, который к ней подошел. Кто он такой? Кто он, б...ть, такой? – Сергей бросил бинокль на сиденье, и тот глухо стукнул о кожу.

Представитель торгов, сидевший на переднем сиденье, вздрогнул и попытался что-то сказать, но Серый перебил его, даже не взглянув в его сторону.

– А ты молодец, конечно. Проиграл торги, которые в принципе невозможно было проиграть. Все было подготовлено заранее. Все, кому надо, были в курсе. Ты просто взял и отдал мое здание этой... этой Центральной. Откуда она только взялась на мою голову? Ты знаешь, что это значит?

Конечно, нет, не знаешь. Потому что ты думал только о своей шкуре, о своем кармане. Ты все не нажрешься!

Представитель торгов, лысоватый мужчина в очках, нервно поправил воротник рубашки. Его пальцы задрожали, когда он заговорил:

– Сергей Иванович, я... я сделал все, что мог. Но ее ставки были выше, а ресурсы... Вы же сами знаете, после банкротства...

Серый резко повернулся к нему, и его глаза, холодные и пронзительные, впились в мужчину.

– Ресурсы? Ты говоришь мне о моих ресурсах? У меня есть средства, понимаешь? Есть! Но я не собираюсь тратить на эти еб...е игры. А ты... ты просто лох. Пр...л готовую сделку. Тебя что, сглазили, что ли?

Бом, сидевший за рулем, поморщился, потом почти спокойно закурил сигарету. Его размеренный глухой голос звучал, как дальние громовые раскаты:

– Сергей, успокойся. Мы найдем способ все вернуть. Центральная – не прима-балерина, обычная баба при бабках, при хорошо стоящем муже, в меру пьющая, в меру гуляющая. Договоримся как-нибудь.

Серый усмехнулся.

– О, кого я слышу! Бомкович, наш доморощенный философ. Ты проснулся? Как же ты всегда умеешь придумать причину, чтобы ничего не делать. Но знаешь, что? Мне обрыдли твои советы. Надоели твоя нерешительность, тру-

сость, лень, в конце концов! Если бы ты был хоть немного подвижнее, мы бы уже давно решили эту проблему. Мы бы даже в нее не попали. Тебе тоже не хватило ресурсов? Да у тебя было столько этих гребаных ресурсов, что ты мог просто положить рядами свою команду и закрыть пепелище их бесполезными тупыми башками! Чтобы никто, никто не мог и носа сунуть туда. Чтобы мысли ни у кого не возникло.

Бом выпустил кольцо дыма и посмотрел на Серого через зеркало заднего вида.

– Отвага – это хорошо, но это не про лезть напролом, Сергей. Это думать головой. Ну и уже давно не девяностые, все решается по-другому, – Серый резко хлопнул ладонью по сиденью, и в машине воцарилась тягостная тишина.

Представитель торгов, не выдержав напряжения, заговорил снова:

– Сергей Иванович, может, мы просто подождем? Инга не знает, что в здании. Мы можем выкупить его позже...

Серый медленно повернулся к нему, и его голос стал еще тише, но от этого стало только страшнее.

– Ты действительно думаешь, что она такая дура? Она уже знает. Или скоро узнает. А когда это случится...

Он замолчал, его пальцы нервно постукивали по колену. Затем он добавил почти шепотом:

– Все текущие убытки я возложу на тебя. Ты знаешь, что это значит?

Представитель торгов побледнел. Его голос дрожал, когда

он заговорил

– Сергей Иванович, пожалуйста... У меня семья, дети... Я сделаю все, что угодно, только не это...

Серый посмотрел на него холодно, с презрением.

– Я брата не пожалел, а ты кто? Думаешь, ты важнее? Мать в гробу перевернется. Что стало с ее светлым мальчиком...

Он замолчал, его взгляд стал далеким, как будто он видел не салон машины, а что-то другое. Бом, почувствовав напряжение, заговорил снова:

– Сергей, достаточно. Мы решим это. Кардинально. Если нужно, уберем ее. Всех, кто будет мешать. Но сейчас надо действовать деликатно. Там всего-то кучка бабенций, возмнивших себя бизнесвумен. Слово-то какое.

Серый медленно повернулся к Бому, и в его глазах мелькнула не тень сомнения, а что-то старое, тщательно скрываемое.

– Кардинально... Ты прав. Но сначала нужно понять, что она знает. И что собирается делать.

Он снова взял бинокль и поднес его к глазам. Центральная и незнакомый мужик стояли рядом, что-то обсуждая. Серый сжал зубы так сильно, что челюсть свело судорогой. Думал он о своем. «Светлый мальчик... – думал он, – любимчик. Гордость. А я что? Отброс. Нет, мама, я больше не тень, не пустое место. Я верну себе все. Все, чего бы мне это не стоило. Светлый мальчик. Б...ть». Он опустил бинокль и в бессильном бешенстве закрыл глаза. В его памяти всплыли

смутные картины: мать, глядящая брата по голове, он никогда не видел такой улыбки, обращенной к себе.

«Пусть переворачивается в гробу, – думал он. – Пусть смотрит, как ее светлый мальчик становится мужиком. Как я». Он резко выдохнул и почти машинально перекрестился справа налево. Его пальцы дрожали, когда он коснулся лба, живота, правого и левого плеча. Это было неосознанное движение, привычка, вбитая с детства, но сейчас оно выглядело, как последняя попытка удержаться за что-то важное.

Глава 7. Светка. Набор персонала.

Жиденский столбец с предложениями о работе. Из всего этого одно объявление вполне могло пробудить интерес. «Набор персонала. Широкий круг профессий. Оплата по договоренности».

У Светки моментально замерз нос. Ветерок был еще тот, пронизывающий. Самый настоящий северный ветер. С жалобными завываниями между серыми, уходящими высоко в небеса стенами старых домов. Все вокруг промозглое и противное. Сырое и холодное, как душа черствого человека. Никакой надежды на лучшее, никакой светлой перспективы, вообще никакой.

Она подышала на заледеневшие пальцы. Потертая короткая замшевая куртка, купленная на распродаже в секонд-хенде, совершенно не грела. Чертов маникюр с модным изумрудно-зеленым отливом придавал скрюченным от холода пальцам просто ужасающий вид. Вот тебе и собеседование. Кому нужны интеллектуальные выкладки от неудачливой служащей с вечно текущим носом и такими руками? Ярко розовая челка тоже не прибавляла уверенности.

Светка злобно тряхнула головой. Отражение в темной витрине угодливо повторило ее жест, вторично тряхнув коротко стриженной головой. Худоба в последнее время достигла своего предела. На вопрос, какой у нее размер одеж-

ды, Светка последнее время отвечала с грустной иронией: «Никакой». С работой не складывалось. Никак. Университет, куда она с таким трудом поступила после школы, закончен. В общеобразовательной школе выдержала всего полгода. Больше не вышло, не смогла. Ну не сложилось, и все тут.

Однажды ситуация в корне изменилась, как по мановению волшебной палочки. Как будто кто-то там наверху сжался над ней и решил: хватит, натерпелись. Служба сама ее нашла. В виде небольшого местечка во вновь образованной фирме. Но работа неожиданно оказалась простой, интересной и даже в какой-то мере творческой. Светка очень многому научилась, начала потихоньку зарабатывать хоть какие-то деньги. И неожиданно расцвела, словно прекрасный, до этого никому не видимый цветок. Она шла по улице и уставала от восхищенных взглядов мужчин. Вот уставала, и все.

А ей все равно казалось, что не то, все как-то не так. Пока наконец не дрогнули небеса и не появился новый заместитель директора, буквально посланный ей свыше. Со всем набором качеств настоящего джентльмена из голливудского кино: кое-какими деньгами, женой на седьмом месяце беременности и абсолютно непонятым израненным мужским сердцем. И обрушилась на Светку великая всепоглощающая любовь, как снег на голову. Классический пример того, как не надо поступать ни в коем случае. Все бы ничего, как-нибудь пережила бы и это. Да только проснулась однажды Светка на конспиративной чужой квартире от чужого же, очень

злобного присутствия.

Одежда вся была далеко, в другой комнате. Возлюбленный мирно посапывал рядом под смятой простыней. А жена возлюбленного в сопровождении его же перепуганных родителей стояла в ногах ложа любви и истошно кричала.

Что было дальше, можно только себе представить. Лично у Светки – в смерть исцарапанная спина и состояние кратковременной комы. Скандал очень быстро перешел на ниву фирмы, где, разумеется, не любили ничего подобного. Заместитель был тихо и незаметно задвинут подальше с глаз долой, куда-нибудь в дальний филиал. А Светка, как менее ценное приобретение, была уволена по собственному желанию под чутким контролем службы безопасности. Чтобы не бузила.

Кое-как перебивалась то каким-то фрилансом на звонках, то секретарем на телефоне. Оплакивала своего неверного, но все еще горячо любимого возлюбленного. Находила и теряла мужчин одного за другим, постепенно убеждаясь в горькой истине – что «ничто не ново под луной». Много и тяжело работала, чтобы хоть как-то прокормиться и выжить в этом жестоком мире, постепенно становясь похожей на тощий велосипед.

Глаза и кости. Кости и глаза. Хорошо хоть с жильем все было решено раз и навсегда. Всю свою сознательную жизнь Светка делила небольшую обшарпанную однокомнатную квартиру в старом доме со своей сварливой бабкой.

Иногда по-честному, как и положено близким родственникам; иногда по справедливости: с криками, слезами и взаимными упреками. Как уж получалось в конкретной жизненной ситуации. Где-то там, на тесной кухне, между горой немытых чешских стаканов и банкой с солеными огурцами, томился ее старый и добрый кормилец, допотопный компьютер, который ей давно уже нужно было заменить на более достойный и более современный, но для этого требовалось нормальное рабочее место с постоянной и более-менее приличной оплатой труда.

Поиском такого места она как раз и занималась. Сейчас и здесь. В осеннем стылом воздухе особой надежды на лучшее, к сожалению, не было. «Кто рано встает, тому Бог подает, – сама себе просипела Светка, пытаясь согреть замерзшие ноги и потирая тупыми носками ботинок на толстой солдатской подошве где-то под коленками. – Мама дорогая, во сколько же они все придут на работу?»

Хоть бы уборщица побыстрее притащилась, пожалела сиротинушку. Может, пустит погреться в коридор. А то все, финита ля комедия. Будем на том свете работенку себе подыскивать.

Светка огляделась. Весь город говорил о преображающемся особнячке. Всего за один год. Рассказывали уж совсем странные истории. Но внешне здание выглядело ничего, живенько. Надо отдать должное тем, кто здесь похозяйничал. Из изуродованного страшным пожарищем мрака сотво-

рили этакий леденцово-пряничный домик. Небольшой, уютный и вместительный. Простенький, но со вкусом. Легенды о нем ходили разнообразные.

Поминали мафию, всякие там отмывания грязных денег и прочие безобразия. Но чего-то явно предосудительного в деятельности фирмы никто так и не заметил.

Где-то внутри зажегся желтоватый свет. Щелкнуло что-то жесткое и неприятное. Светка затаилась. Благо кусты повсюду росли, и до них еще новые хозяева особнячка не добрались.

Интересно, есть у них у входа видеокамера или нет?

На крыльцо вышел светловолосый подкаченный человек. Не спеша достал сигареты, закурил. У Светки даже горло перехватило от зависти и беспричинной озлобленности. Она, как положено, вторые сутки воздерживалась от курения. По слухам, надо было предстать без вредных привычек. Не жалуют. Ага, вот этого крепыша, например. Он неторопливо притворил дверь, приподнял зябким движением воротник куртки и, вжимая голову в плечи, пошел по новой асфальтовой дорожке. Когда он проходил мимо Светки, она ощутила запах парфюма. Так пахнут свежие арбузные корки. Сразу вспомнилось лето, жара и арбуз из холодильника. Но почему-то вылезти из кустов и чего-нибудь спросить у мужчины ей не захотелось. Постеснялась, наверное. Или еще что.

Утро набирало силу. По дороге время от времени начали передвижение редкие автомобили. Потянулись первые за-

спанные пешеходы. Скоро и Светка дождется кого-нибудь.

Такси ярко желтого цвета с угрожающей башней из шапечек на крыше притормозило почти у самой входной двери. Оттуда выбралась высокая полная блондинка неопределенного возраста и впечатляющего размера, в обтягивающих брюках и свободной куртке. В руках у нее была огромная и, судя по всему, тяжелая сумка. Ничего себе экипировочка. Наверное, буфетчица. А они завсегда добрые, потому что рядом с продуктами.

Светка вылезла из кустов. Стукнула ботинок об ботинок, стряхивая налипшую желтую грязь. Покашляла, прочищая горло. Дама рассчиталась с таксистом и потрусила открывать все ту же дверь.

– У вас на работу принимают? – решительно спросила Светка.

Дама не отреагировала, продолжая бороться с дверью. Последняя почему-то не желала открываться. Дама чертыхалась, но упорно держала сумку в руках, не ставила ее на землю. Светка бочком подобралась к даме и застыла в почтеном молчании. Дама, ни слова не говоря, протянула ей увесистую сумку, под тяжестью которой Светка не просто согнулась – она почти рухнула. А дама, наконец справившись с дверью и широко ее распахнув, велела:

– Заходи, раз пришла.

Светка набрала полную грудь воздуха и шагнула. Видимо, рано утром молитвы действительно доходят до адресата.

Глава 8. Анна. Итого.

Анна шагала по снегу, и каждый хруст под ботинками отдавался в висках тупой болью – ровно так же хрустели каблуки матери, когда та проверяла, сидит ли дочь над учебниками в два часа ночи. В детстве она представляла, что звук можно измерить: вот этот – тридцать четыре децибела, этот – уже пятьдесят семь, а когда переходит в звенящую тишину – значит, мать замерла в дверях, оценивая ее позу, угол наклона головы, частоту морганий. Да, моргать тоже нужно было по правилам и никак иначе.

Анна выросла в атмосфере стерильной научности. Ее родители, преданные науке до мозга костей, видели в дочери лишь объект для экспериментов по развитию интеллекта. Жесткий режим, бесконечные тесты, никаких развлечений, только знания, знания, знания. Эмоции? Чувства? Это было чем-то из разряда лженауки. «Девочка дышит слишком часто – признак стресса. Стресс снижает продуктивность на 18%», – записывал отец в своем блокноте с кожаной обложкой, том самом, где другие родители хранили фотографии детей на пляже.

Потом появился он, «идеальный муж», как одобрительно говорили родители. Умный, перспективный, тоже из научной среды.

Но за маской благополучия скрывался тиран. Сначала

тонкий психологический прессинг, потом придирки, унижения, контроль каждого шага. Он медленно, методично уничтожал ее личность, превращая в тень. Но даже в этом состоянии Анна умудрялась оставаться гением. Ее аналитический ум, отточенный годами, позволял ей видеть финансовые потоки, как рентген. Она чувствовала деньги, предугадывала тенденции, умела распределять ресурсы так, чтобы они приносили максимальную прибыль. Финансист-аналитик от Бога – в этом она была неподражаема. И это было единственное, что держало ее на плаву.

Анна шла к остановке усталая, с опущенными плечами, вся в своих мыслях. Ужин, муж, сын, работа – все это крутилось в ее голове, как круговой однообразный конвейер. Мысли путались, цепляясь за цифры: ужин в 19:30 (муж терпеть не мог опозданий), отчет по квотам (если не сдать до полуночи, клиент уйдет к конкурентам), звонок няне (сын болел, но муж запретил отменять командировку).

Ветер рвал дыхание, снежинки прилипали к ресницам – в семь лет за такое могли оставить без ужина. «Слезы – это вода. Вода портит бумагу. Ты хочешь испортить мои расчеты?» Рука сама потянулась к лицу, чтобы стереть предательскую влагу, но пальцы наткнулись на сухую кожу. Она разучилась плакать еще до института.

Она даже не замечала, как холодный ветер пробрался сквозь шерстяное пальто, а снег хрустел под ногами. «Частота сердечных сокращений – сто десять. Ненормально. Надо

успокоиться», – пронеслось в голове автоматически, и тут же всплыло воспоминание: десятилетняя Анна, дрожащими руками вставляющая батарейки в кардиодатчик, потому что «нормальные дети сами контролируют свои показатели».

И вдруг все кончилось.

Чудовищный грохот разорвал тишину. Прямо перед ней с крыши дома рухнула глыба льда. С оглушительным треском. Ровно таким же, с каким разбилась колба с кислотой в тот день, когда она впервые осмелилась сказать «нет». Тогда мать молча вытерла ожог на руке и поставила перед ней новую колбу: «Эксперимент требует повторения. Ты испортила данные». Лыдина врезалась в промерзший тротуар, как гигантский алмаз, и взорвалась тысячами смертоносных игл.

Осколки летели прямо в лицо, и Анна вдруг осознала, что не боится. Смерть была всего лишь конечной переменной в уравнении, которое она решала всю жизнь.

Анна замерла, глаза расширились. Ледяные стилеты летели, как в замедленной съемке, и она уже не могла пошевелиться.

«Вот и все, – отрешенно подумала она. – Все. Моя фамилия. Итого».

Колени подломились. Она рухнула в снег, накрыв лицо колючими варежками.

Когда пришла в себя, ее обдало волной тепла и странного, но знакомого запаха. Табак, дорогой парфюм и коньяк. Кто-то сошел с ума. Ее умывали коньяком. Запах резкий, как

удар по печени. В детстве ей давали капли спирта, когда она кашляла, потому что «физиологический раствор для слабых».

Она открыла глаза и увидела потолок с трещинами, складывающимися в знакомый узор – точь-в-точь как на потолке лаборатории, где она пряталась от родителей, свернувшись калачиком под столом.

«Возраст – восемь лет. Частота сердечных сокращений – сто сорок. Продолжительность истерики – двенадцать минут. Неэффективно», – записывал тогда отец.

Сейчас зажмурилась от резкой боли. Спирт попал в глаза, она застонала. Чьи-то руки приподняли ее голову.

– Ты жива? – раздался низкий, спокойный голос.

Анна вырвалась, вскочила и со стоном опустилась обратно на диван.

– Где это я? – прошептала она и прикусила губу.

Она была не одета. Вернее, на ней кроме добротного лифчика и трусиков ничего не было. А рядом сидел совершенно незнакомый человек. Маленького роста, с очень живыми черными глазами и волосами цвета перца с солью. В руках он держал бутылку коньяка с коротким названием, вытесненным золотом на матовой поверхности. Из ниоткуда в его руке возник бокал. Темно-коричневая жидкость наполнила его почти наполовину.

– Сядь. И выпей, – сказал он, и его голос звучал как приказ.

Анна повиновалась. Незнакомец протянул бокал. Анна вдруг поняла, что хочет разбить его об стену, облить этим липким золотом его дорогие часы, закричать – но вместо этого аккуратно взяла емкость, как когда-то брала пробирки, чтобы не разозлить мать.

Она не могла поверить, что все это происходит с ней. Плечи и грудь были покрыты крохотными частыми порезами, которые саднили. Запах коньяка дурманил. Она осушила бокал в несколько больших глотков и задыхнулась.

На плечо ей опустилась чужая ладонь.

– Дыши, – сказал он спокойно.

И она задышала – впервые не по метроному, не под счет «вдох-выдох», а так, как дышат люди: прерывисто, неровно, с дрожью в легких.

Ей дали стакан воды, только тогда она стала успокаиваться. Теплая волна медленно накрывала ее. не хотелось ничего спрашивать. Да, собственно, и знать ничего не хотелось. Зачем? Когда так тихо и хорошо. Тихо и хорошо. Тихо...

Когда она в следующий раз открыла глаза, маленького человека не было в комнате. Ее вычищенная одежда лежала рядом, на банкетке. Только колготки были новые, в упаковке. Одеваясь, она поймала себя на том, что разглядывает швы на колготках – ровные, без затяжек. «Качество – выше среднего. Стоимость – около тысячи двухсот рублей».

Никогда одевание еще не составляло для Анны такой проблемы. Руки тряслись и не слушались. Голова раскалыва-

лась, гудела, ужасно хотелось пить. «Я не буду думать о том, что произошло. Это не со мной, это не я!» – кричала Анна сама себе, а тело отвечало: «Ты».

Когда висящие на стене часы начали отбивать положенное им время, ей показалось, что земля уходит из-под ног. Прошло всего два часа. Скорее всего, ее даже не хватились дома. Репутация королевы вне подозрений.

Она ничего не рассказала мужу и находилась в каком-то иступленном полусне до обеда следующего дня. Телефон зазвонил ровно на три секунды раньше, чем она рассчитала – сбой в ее безупречном внутреннем хронометраже. Когда раздался звонок телефона, именно этот среди тысячи других, она разлила воду, выронила из рук стакан. Долго слушала, что ей говорят, и ответила:

– Да, – и вдруг осознала, что впервые за тридцать четыре года сказала это слово просто потому, что хотела, а не потому, что так было правильно. И стратегически верно.

Летом Центральная высмотрела для бизнеса небольшой особнячок. К деятельности по оформлению документов, прав собственности, а позднее и организации ремонтных работ и внутрихозяйственной деятельности Анну она привлекла практически сразу, одной из первых. Когда Инга пригласила, Анна колебалась. Долго колебалась. Потому что еще ни одно дело, которое затевала эта самая Инга, не являлось тихой гаванью, местом спокойствия и умиротворения. Скорее, все ее проекты напоминали дремлющий вулкан, внешне

спокойный и даже привлекательный, но спящий лишь до поры до времени. Не знаешь, что будет и когда произойдет. А успех и удача – та еще капризная парочка. Непредсказуемые и беспощадные.

А зимой произошел вышеуказанный прецедент. И чем дальше, тем меньше Анне казалось, что все произошедшее было случайностью. Стечением обстоятельств – да, но не случайностью. Точно. Нет.

От мужа Анна ушла быстро и окончательно. Четко и понятно сформулировав, как они будут жить дальше. Как и когда каждый будет заниматься общим ребенком. Муж почему-то сразу выразил полное согласие.

Никто из них обязательств не нарушал и развод прошел так, как и должен был пройти у Анны – четко, конкретно, по графику и без соплей.

Сергей заезжал регулярно, тоже не нарушал договоренностей и не чудил, что Анну очень устраивало. Жизнь налаживалась. Ей так казалось. А может, все так и было.

Глава 9. Светка. Память.

Вероника, окинув Светку быстрым оценивающим взглядом, приподняла тонкую бровь. «Ну и вид», – промелькнуло у нее в голове. Мешковатая куртка, нелепые ботинки, потухший взгляд. Короткие, окрашенные в ярко розовый цвет, волосы. Длинные, хищные, ужасные зеленые ногти. Типичная провинциалка, ищущая лучшей жизни. Но какая-то отчаянная решимость, несмотря на явную бедность. Вероника узнала в ней себя. Когда-то она тоже была такой – молодой, наивной, мечтающей о счастье и готовой на все ради достижения цели. Мужчины ее не жаловали. Использовали, бросали. И, несмотря на глубокое похмелье, почувствовала неожиданную симпатию к этой незнакомке.

– Принимают, – буркнула Вероника, стараясь придать своему голосу строгость. – Но место только одно. И конкуренция большая.

Она пропустила Светку в холл и указала на скрипучий стул возле ресепшена.

– Ждите. Сейчас директор освободится, и вас вызовут.

Вероника прошла в свой кабинет и тяжело опустилась в кресло. Голова раскалывалась, во рту – пустыня, а перед глазами – вчерашние кадры пьяного дебоша. «Надо взять себя в руки», – подумала она. Иначе эта девчонка почувствует ее слабость и воспользуется этим.

Светка, оглядывая скромный интерьер, старалась не показывать своего волнения. Странно, но особнячок внешне выглядел вполне себе презентабельно, а внутренняя отделка была не завершена. Совсем. Ей очень нужна была эта работа. Любая. Она была готова на все, даже на то, о чем раньше не могла и подумать. И сейчас, видя перед собой эту помятую, но серьезную женщину, Светка понимала, что шанс у нее есть. Нужно только правильно им воспользоваться.

Когда Вероника вернулась, Светка отметила про себя и ее бледное лицо, и покрасневшие глаза.

– Вам плохо? – спросила Светка, не удержавшись.

Вероника вскинула на нее удивленный взгляд.

– С чего вы взяли?

– Просто... видно, что вы плохо себя чувствуете. Может, вам таблетку?

Вероника нахмурилась. С одной стороны, ее раздражала эта навязчивая забота. С другой, ей действительно было плохо, и предложение Светки показалось ей неожиданно уместным.

– Ладно, – сдалась Вероника. – Принесите мне стакан воды и таблетку от головы. В ящике стола должны быть.

Светка быстро выполнила просьбу. Вероника выпила таблетку и прикрыла глаза.

– Спасибо, – пробормотала она. – Не ожидала от вас такого. Внимательная.

– Да не за что, – ответила Светка. – Просто я вижу, что

вам тяжело.

– А скажи мне, Света, а что в тебе такого особенного, почему мы тебя прямо совершенно обязательно должны взять? Чем ты таким отличаешься от всех остальных?

Светка шмыгнула текущим носом, а потом все-таки мазнула его рукавом куртки.

– Так я эйдетик.

– Что?! – задохнулась Вероника, вытаращив глаза.

– Это человек с феноменальной памятью, могу очень детально запоминать визуальную информацию. Как фотографическая память, только лучше! И я знаю английский и французский. Читаю, пишу, разговариваю. Могу вести переговоры. Могу даже синхронный перевод.

В этот момент Вероника поняла, что, возможно, недооценила эту девчушку. За внешней простотой и наивностью, а также ужасной розовой челкой, скрывалось что-то интересное. Возможно, именно такая сотрудница и нужна их фирме.

Глава 10. Анна. Из пережитого.

Анна поморщилась. Когда кончится эта чушь? Три приличные женщины стояли в холле и, задржав головы, сосредоточенно разглядывали потолок. Он им категорически не нравился. Металлические пластины неровным слоем, как грубая чешуя древнего ящера, покрывали решетчатую конструкцию. Но за долгие годы и особенно за последний период всеобщей разрухи все эти пластины были покрыты непонятным налетом пыли и копоти и основательно прокопчены. Вид был ужасающий.

– А может, все-таки разоримся на настоящий французский натяжной потолок? – ни к кому конкретно не обращаясь, задумчиво протянула Вероника. Голос у нее был тихий, немного хриплый после вчерашнего.

– Здорово! – тут же подобострастно откликнулась Светка, стараясь угодить начальству. И глаза у нее от неподдельного восторга просто полезли на лоб.

– А устанавливать его кто будет? Специалистов нанимать надо! – усмехнулась Анна. «Вот гопота! Обе».

– Сейчас, только этого и ждали! Бросим все наши дела и начнем, даже не приступив к работе, деньги на право и на лево транжирить! – строго и безапелляционно отвергла эту заманчивую идею Анна. – Сказано – начистить бронзу, значит, начистить. И решить все проблемы. Так что организуй-

те процесс, Вероника.

После этих слов были подняты все сотрудники, работающие и имеющие какое-либо отношение к учреждению. Команда собралась живописная и совершенно непредсказуемая.

Дворник, он же плотник, он же сантехник, он же электрик, он же просто Майор. Потому что действительно был майором в отставке. Давно. В какой-то другой, прошлой жизни. Даже по большим праздникам надевал свою красивую, глубокого темно-синего цвета форму с аксельбантами и кучей нарядных, но уже потускневших нашивок. Если бы не беспощадный недостаток сильной половины населения – непреодолимое пристрастие к чарам зеленого змия – какой был бы мужчина!

Майор никогда не был абсолютно трезв. Ровное, стабильное состояние легкого опьянения. Время от времени он незаметно исчезал в своей подсобке, как бы поправляя здоровье, и затем с новой силой начинал яростно бороться за чистоту и порядок на прилегающей к офису территории. На работоспособность Майора его странное состояние души и тела совершенно никак не влияло.

Поэтому и Анна, и Центральная предпочитали закрывать глаза на его маленький допинг. А у кого есть лучший работник – искренне за вас рады.

Уборщица Луиза – в прошлом типичная русская красавица, но сильно припертая к стене тяжелыми обстоятельствами

своей нелегкой жизни. Трое разновозрастных детей, вечно не работающий и постоянно болеющий, очень уставший от непосильной работы муж, отсутствие нормального отдыха, вечная проблема с питанием большой семьи, работа в двух, а то и трех местах одновременно. И так из года в год, с раннего утра до позднего вечера. Говорят, что труд облагораживает человека, но не такой ценой.

Говорила она мало и неохотно, словно боясь сказать лишнее. Но руки с расширенными в суставах припухшими пальцами вовсе не знали отдыха. Ей не надо было повторять дважды, она все схватывала на лету. Для нее не было такой работы, которая бы ей не подошла.

При необходимости, молча и не задавая лишних вопросов, она двигала тяжелую мебель, используя одной ей известные способы, проявляя при этом удивительную смекалку и никому ничего не объясняя. Никогда ничего ни у кого не просила. Только робко заходила в бухгалтерию и, опустив голову, покорно стояла, теребя поношенный форменный фартук. Ей постоянно нужны деньги. Всегда. Любые. И понимающая бухгалтер без лишних слов выписывала ей бесконечные авансы. Зарплата Луизы была выдана чуть ли не на полгода вперед, но Центральная и на это предпочитала закрывать глаза, делая вид, что ничего не происходит.

Далее тихо и незаметно мялась служба безопасности, по настоянию Центральной переименованная в службу швейцаров из-за отсутствия у фирмы возможности выкупа дорогой

лицензии и проведения бесконечных проверок на благонадежность. Руководитель службы – темная лошадка. В самом начале деятельности фирмы он решительно прошествовал, не отвечая ни на какие вопросы, прямо в кабинет директора. Такой лихой кавалерист, картинно размахивающий алой розой на длинном стебле, преодолевающий препятствия. В кабинете директора он пробыл очень долго. Сначала говорил бурно, потом очень убедительно и проникновенно клялся. Все подслушивали. Впечатление произвел.

А потом одинокий телефонный звонок. Кто-то хотел выдать Центральной руководящие указания. Все слышали, как Инга поздоровалась со звонившим, молчала какое-то время, а потом переговоры перекрыл металлический жесткий голос самой Центральной. С тем самым выражением, от которого даже самые близкие друзья и дальние родственники инстинктивно начинали искать спасительный пятый угол в помещении.

– Не позволю мне указывать, что делать и кого принимать! Здесь я принимаю решения.

В ответ неразборчивое мычание. В общем, минут через десять-пятнадцать новоявленный руководитель и вдохновитель швейцаров, он же личный водитель и телохранитель директорского тела, был по тем или иным причинам принят в штатные сотрудники, но с таким внушительным испытательным сроком, что оставалось загадкой, как ему так долго удастся прожить. В наше-то нелегкое время.

Сам по себе этот служитель порядка являлся фигурой колоритной и многообещающей. В смысле всяческих темных дел и мутных ситуаций. Вместе с обычной, ничем не примечательной славянской внешностью уютно уживалась чисто немецкая фамилия, судя по паспортным данным, и простое русское имя – Иван.

Был он белолиц, голубоглаз и широкоплеч. Взгляд исподлобья и навязчивая привычка незаметно бросать на собеседника ощупывающие и оценивающие взгляды, друзей и сторонников ему явно не прибавляли. Два подобранных им помощника являли собой не слишком искалеченных интеллектом, зато спортивно сложенных типичных представителей вышибало-охранной деятельности.

Центральная наблюдала за ним с неприкрытым интересом.

Глава 11. Центральная.

Начало Охоты.

Инга смотрела из окна вниз, на стоянку. Что-то в этом Иване ее привлекло. Не его внешность. Хотя сочетание почти детской голубизны глаз и грубо вылепленного лица с выступающими скулами притягивало взгляд. Поджатая, слегка презрительная линия губ, выдающая скрытный характер и независимость. Так не вяжущуюся с его нынешним положением очень зависимого наемного работника. Скорее, привлекала какая-то упрямая сила, проступающая сквозь показную угрюмость. Что-то темное, глухое, что она давно перестала встречать в рафинированных представителях своего круга. А вообще, ей всегда нравился Есенин.

Она поймала себя на том, что уже несколько минут бесстыдно разглядывает его. Диковинного зверя в зоопарке. От этого ее щеки предательски порозовели, а внутри разлилось странное щекочущее волнение. «Стоять. Не суетиться», — мысленно одернула себя Центральная. И неуместно хихикнула. Неужели она, Инга, вдруг почувствовала себя школьницей, застигнутой врасплох глупыми, непристойными желаниями? А желаний-то, собственно, не так уж много. Всегда в самом начале, когда правила игры еще устанавливались, она чувствовала некий зуд, предвкушение. Еще было неиз-

вестно, как предполагаемый партнер поведет себя. Долго ли будет делать вид, что ничего не происходит. Как начнет терять контроль и метаться. Инга настраивалась на охоту всерьез. Ей же мало простых отношений. Все должно быть на грани, на самом острие. А вот потом... Ну это еще нужно посмотреть, что потом.

Этот Ванька вывалился из какого-то другого времени, из прошлого мира, где мужчины были мужчинами, а женщины – женщинами. Где не было места политкорректности, толерантности и прочей новомодной ерунде. И Центральную вдруг неудержимо потянуло в этот мир. Такой странный, но узнаваемый. Буквально домашний. Черт бы его побрал.

Ей захотелось прикоснуться к нему. Почувствовать под пальцами его мышцы, вдохнуть запах тела. Видеть в его глазах не желание. Согласие на все, что ей придет в голову. А ведь ей придет. Она прекрасно сознавала, что это нехорошо. Он был в таком зависимом положении, а в сочетании с его внутренним сопротивлением, отчаянным... Но ее уже было не остановить. Проснулась сущность, голодная, жаждущая. Крови. А добычей станет Иван. И вообще, она всегда получала все, что хотела. И всех, кого хотела.

Инга вышла из здания администрации. Она. Центральная. В сопровождении пары серьезных чиновников города. Они смеялись, целовали ей руки, касались щек. Она улыбалась, но глаза оставались холодными. Иван смотрел на нее. Стоял у машины, руки заложены за спину, а взгляд устремлен на

вход в здание. Он ждал. Как обычно. Инга задерживалась – специально. Пусть ждет, думает, сомневается. О ней. О себе. О том, как он оказался здесь, в этой роли – шофера, охранника. Швейцара.

Когда она подошла к машине, он открыл дверь.

– Спасибо, Ваня, – ее голос звучал мягко, но покровительственно.

Он кивнул и закрыл за ней дверь зеленого Jaguar F–Pace.

– А поехали в парк, – сказала она, когда он сел за руль, – засиделась я. Устала.

Он повиновался, не задавая вопросов.

Октябрьский парк увядал. Ветер, холодный и резкий, срывал с деревьев последние листья, швыряя их под ноги. Желтое на черном. Морось ползла за шиворот. Вечера теперь пахли сыростью и холодом. Инга шла первой, намеренно увеличивая дистанцию. Чтобы догонял. Ее длинное светлое пальто развевалось, как знамя. Руки, спрятанные в карманах, сжаты в кулаки. Голова вскинута, волосы назад. Повоюем? С кем, интересно.

Иван следовал за ней. Не как подчиненный, а как наблюдатель, изучающий ее движения, просчитывающий каждый шаг. Оберегающий. Взгляд, острый и настороженный, скользил по ее спине, по уверенной походке, по гордой голове. А она все видела. Залюбовался. Разулыбался, идиот!

Остановилась у старых деревьев, чьи оголенные ветви цеплялись когтями за низкое небо. Обернулась резко,

неожиданно, хотела застать его за непристойным поведением. В глазах морок.

– Вань, – позвала она. Голос мягкий, но требовательный.

Он подошел, сокращая дистанцию, практически вторгаясь в ее личное пространство.

– Ты знаешь, почему я тебя взяла? – резкий вопрос, как удар.

– Нет, – ответил он твердо, не опуская глаз.

Ух ты. Он не собирался играть. Вообще. Ни по чьим правилам. Зря.

– Потому что мне сказали тебя не брать. Потому что кто-то решил указывать мне в моем королевстве. А я не терплю, когда мне указывают, – в каждом ее слове был вызов. – А ты оказался... любопытным приобретением. Гораздо интереснее, чем я предполагала.

Она сделала шаг вперед, сокращая расстояние. Давила.

– И я тебе помогаю, ведь так? Вытаскиваю из дерьма, в которое ты сам залез.

– Помогаете, – согласился он, не отступая. – Я вам благодарен.

– Благодарен? – она усмехнулась. – Тогда почему? Почему ты смотришь на меня, как на мегеру?

Он выдержал ее взгляд. Странно.

– Я смотрю на вас как на начальницу, – очень спокойно и доброжелательно ответил он. – С должным уважением.

– Уважение? Я не замечаю уважения. Ты меня боишься,

Вань. И смеешь еще и презирать одновременно. Слегка. Я вижу.

Она ждала его реакции, провоцировала.

Иван мирно улыбнулся в ответ.

– Я ничего не боюсь. Ничего не скрываю. Не считаю нужным. Может быть, вы просто видите во мне отражение. Себя?

Вот гад!

– Тогда почему дрожишь? – она сделала шаг вперед, пальцы коснулись его волос, смахнули запутавшийся лист. Иван замер. Ее прикосновение было легким, но для него обжигающим.

То-то. Дернулся, как будто кто-то провел ледяным пальцем по его позвоночнику. Побаивается все-таки, что он не справится. Не сможет ее остановить.

– Я хочу тебя починить, – прошептала она. Голос почти нежен, но в нем напор. – Ты мне нравишься. Ты как... Тристан. Только без своей Изольды. Или, может быть, я твоя Изольда? – она улыбнулась, но в глазах темнота.

Иван весь подобрался. Ой, он не хотел быть Тристаном. И никем другим. Не хотел этой истории. Только вот, похоже, выбора у него не было.

– Что вы, белая прекрасная госпожа. Куда мне, недостойному рабу, – открыто ответил он. – Это неправильно. И невозможно.

Инга даже ушам своим не поверила. В такие минуты она

переставала производить на других приятное впечатление. Забывала о приличиях. Вспоминала дворовое детство. Действовала жестко и конкретно.

– Ты чего разговорился? Что такого неправильного? Я чертовски привлекательна, ты тоже ничего и всегда под рукой. Что не так-то?

– Да все не так. Все, – он сделал шаг назад. – Я не могу, серьезно. Хоть что делайте.

– Ты что, не хочешь меня? – потянулась к нему, губы почти коснулись уха.

Она просто прочитала его мысли: «Ну все. Здесь, видимо, я уже наработался. Это не может быть со мной. Не позволю ей уделать меня. Справлюсь». Давай-давай. Справляйся. Но даже эти мысли звучали неоднозначно. Было что-то еще.

– Ты, может, подумаешь? – она подошла к нему совсем близко.

Парфюм с арбузным запахом. Позапрошлогодний хит. Дурак какой, поди, кучу денег отдал. За подделку. Осторожно подушечкой указательного пальца прикоснулась к его вдруг сжавшимся губам.

– Учти, я не целуюсь с посторонними мужчинами. И не позволю тебе меня бояться.

– «По воле рока», да? – вдруг спросил Иван. – «Они любили друг друга не по своей воле, но по воле рока, который связал их сердца навеки».

– Ты дурак? – хохотнула Инга, но пальцы не убрала. – Ка-

кие такие веки, какие еще сердца? Ты таки думаешь, мы кто? Я пошутила, и насчет Тристана, и насчет Изольды. Я тебя умоляю! – Она усмехнулась, но в ее глазах мелькнуло странное. – Нет, Ванька. Мы не они. Мы хуже. Мы – это мы. И ты уже не сможешь от меня убежать. Даже если захочешь. Я плохая. От плохих не убегают.

– Я тоже не целуюсь с посторонними мужчинами. И с женщинами тоже, – сказал Иван и убрал ее руку от своего лица. – И я мало кого и чего боюсь.

Он насупился. Но даже это выглядело наивно. Пусть дуется.

– Что, читать любишь? – ехидно усмехнулась Инга.

– Любил, – отозвался Иван. – Давно.

Инге стало нехорошо. Какой-то даже не охранник – швейцар – пытался ей объяснить окружающую обстановку сложными словами. Как будто «и с той минуты их сердца бились как одно. Они не могли жить друг без друга, даже если это означало гибель». Какая-то хрень. А ведь он на нее плохо влияет.

– Замерзли, может, поедем? – повторил он, стараясь говорить спокойно.

– Погодь, – нарочно хамски ответила она. И глянула жестко, как умела. В это рязанское лицо. – А чем ты, собственно, готов пожертвовать ради меня. Зачем ты мне нужен? Маленький глупый неудачник, который еще и брыкается? Да, передо мной. Великой белой госпожой.

– Как, – спросил он, – разве это не ясно? «Своей честью, своей жизнью, своей душой».

– Дорогой, – расхохоталась она, – сколько я слышала такого дерьма за свою недолгую жизнь.

– Может быть, – ответил он.

Вот ведь. Понимает, что падает. И все кончено. А пытается удержаться.

– Но «ваш свет обречен погаснуть. А я этого не хочу».

И как с ним было разговаривать?!

– Дурак ты, Ванька. Никакой романтики! И секса от тебя тоже не дождешься. Одна болтовня! Поехали уже, – Инга забралась в машину и вздохнула. Задолбали, книголюбы.

Потом они вернулись в офис. Маленький, уже почти отремонтированный особнячок мягко освещал прилегающую к нему территорию.

– Нужно работать. Не жди меня. Нескоро закончу.

Иван, смотревший в сторону, ответил:

– Спешить некуда. Буду ждать, – и когда за ней уже почти закрылась дверь, грустно добавил, кусая губу, – тебя.

Но она слышала. И видела. Еще брыкается!

Кабинет был погружен в полумрак. Только настольный светильник отбрасывал мягкий свет на лицо, подчеркивая каждый изгиб, каждую черту.

Инга сидела за столом с полным бокалом. Смотрела в окно. Город мерцал тысячами огней, но ее мысли были далеко. Медленно прикоснулась пальцем к краю бокала, наблю-

дая, как дрожит рубиновое отражение в драгоценном стекле. Вино оставило на языке терпкий, многогранный вкус – год сбора винограда, дубовые бочки, долгая выдержка. Но не могло заглушить этот привкус – медной монеты под языком, страха, что однажды проснешься и поймешь: за все эти годы не нажила ничего, кроме одиночества и тоски. Зеркало напротив отражало безупречный образ: идеальный макияж, безукоризненная прическа, платье, которое стоило больше, чем некоторые зарабатывают за год. Все, как всегда. Все, как положено.

Центральная закрыла глаза, и поплыли лица тех, кого когда-то хотела. Все взяла. Все получила. А счастье так и осталось где-то там, за стеклянной витриной ее якобы идеальной жизни, к которой можно прикоснуться. Взять нельзя. Странная вещь: чем больше у нее было, тем сильнее она боялась это потерять. Каждая новая победа оставляла после себя не триумф, а пустоту. Которую не могли заполнить ни новые покупки, ни новые поклонники. «Почему?» – этот вопрос давно превратился в навязчивый ритм, отстукивающий в висках.

Она добилась всего. Каждый ее жест, слово – продуманные ходы в безупречной партии. Губы сами сложились в привычную улыбку: холодную, надменную. Автоматизм, доведенный до совершенства. Инга медленно провела пальцем по краю бокала, заставляя стекло петь тонким, дребезжащим звуком. Он растворялся в пустоте просторного офиса, как и

все в этой жизни – красиво, дорого, бессмысленно.

Где-то внизу доносились приглушенные голоса. Кто-то спешил на встречу, на свидание, домой. А она сидела здесь и понимала: чем выше взбираешься, тем страшнее оглянуться назад.

«Как смешно, – думала она. Можно купить все, что угодно. Кроме одного – возможности перестать считать каждый прожитый день, как фантик в пустой копилке».

Инга допила вино. На дне бокала осталась лишь темно-рубиновая капля, похожая на запекшуюся кровь. Бокал опустел. Как и что-то внутри.

Она вспомнила Ивана. Сопротивляется, дурачок. Но зачем? Она легко может добиться желаемого. Если захочет. Доказать себе в очередной раз, но что? Или заполнить ту пустоту, которая росла с каждым днем? «Нет, – подумала она, сжимая бокал так, что пальцам стало больно. – Я – Инга. Я – Центральная. Делаю, потому что могу».

Но даже эти слова не могли заглушить тихий голос внутри, который шептал: «А что, если это все лишь декорация, иллюзия? Если под ней нет ничего? Иллюзия обманчива».

Она резко встала и пошла к окну. Город был таким большим, ярким, но и он казался ей чужим. «Я не могу остановиться, – думала она. – Если я остановлюсь, все рухнет. И я останусь одна. Совсем».

Рука дрогнула. Бокал выскользнул из пальцев и разбился. Она смотрела на осколки. «Ну и черт с ними. Я должна быть

сильной. Жесткой. Иначе... я потеряю все».

Она глубоко вздохнула и отошла от окна. Завтра будет новый день. Но сейчас... она чувствовала себя такой одинокой. Неуверенной. Голодной. Несчастной.

Глава 12. Вероника. Потолок.

Вероника заученным движением засунула авторучку за ухо и повертела в руках блокнот, недоумевая, куда же его девать, карманов не наблюдалось. Деть пришлось, как обычно, в вырез на пышной груди. Что декольте не украсило. Нелепая обложка из коричневого кожзаменителя торчала вызывающе и колыхалась при дыхании. Но это не мешало Веронике быть большой прекрасной женщиной. И все.

Во главе команды все так же стояла и мучилась великая троица: кроме Вероники там была Светка, приплясывающая и старающаяся окончательно вывалиться из своих выдавших виды джинсов, которые и так уже от крайней худобы были застегнуты на дополнительно проколотую дырку. Анна, как обычно, строгая, прямая, с видимой легкостью высоко держащая голову. В безукоризненно отглаженной блузке.

Три минуты все созерцали потолок. Потом без видимой команды началось. Полетела годами хранящаяся пыль. Кирпичи (а они-то откуда?), слежавшийся годами тополиный пух, какие-то чуть ли не доисторические высушенные насекомые. В воздухе носился жуткий запах вскрытого склепа и ирисок. Медленно, но верно все участники акции покрывались желтоватым налетом прошлых потолочных лет. Вперемешку с копчеными вкраплениями.

Луиза бесконечное число раз проводила тряпкой с мо-

ющим средством по металлической поверхности, швейцары лихо закидывали громадные пласты вверх-вниз, обнажив могучие, блестящие от пота торсы. Их руководитель при полном парадном костюме, в строго затянутом галстуке неторопливо прогуливался вокруг стремянок, время от времени указывая, что и как держать, кому и что поручить. Заниматься грубой грязной работой почему-то даже не пришло в его стриженую голову. Но замечаний никто из дам ему не делал. Темная лошадка, она и в Африке темная. Майор носился с ведрами и водой, спешно ликвидировал пышно развернувшуюся по каменному полу пену. И совершил подвиг, убрав совком иссохшую мумию столетней крысы.

Анна, аккуратно закатав рукава, натирала уже отмытую поверхность. Ни одна капля не осела на хрустящей блузке, пыль на лице, и та легла ровным слоем, как диковинная пудра.

А вот через всю физиономию Вероники пополам тянулись жирные черные полосы сажи и кирпичной пыли. Плюс ко всему, откручивая хитрую арматуру малюсенькой отверткой, она легко пропорола себе палец и свалила одну из пластин Светке на ногу. Та взвизгнула, по собачьи поджала пострадавшую конечность и на другой поспешно ускакала в сторону.

Секретарь-референт теперь была больше похожа на черта с паклей в своих драных, а теперь еще и черных от грязи джинсах, перепачканной физиономией и ярко зелеными ног-

тями. По последним веяниям. По ним же обнаженный впалый живот, жалко сверкающий просвечивающей кожей из-под короткого свитерка, который украшала зловещая красная царапина. Светка никак не могла пристроиться к нужному варианту работы. Луиза ее не прогоняла, но и не приглашала. Отвертку ей не давали. К швейцарам она сама не подходила. Из гордости. А за Майором и Анной все равно было не угнаться. Поэтому, похрамав от одних к другим, от тех к третьим Светка было запечалилась. Но, вспомнив лихое юношеское прошлое, выцепила откуда-то из недр своего трепаного рюкзака старенький телефон, радостно начала снимать все происходящее.

– А что, будем архив собирать. Вот все изменится, и никто и не вспомнит, как было.

– Сторис выложи, юный корреспондент, – фыркнула Вероника. – Сейчас Центральная приедет, получишь за тунедство и разгильдяйство по первое число.

Почему-то даже начальник швейцаров поежился при упоминании высочайшей особы.

Нудная и неинтересная работа хороша тем, что и она когда-нибудь кончается. Потолок воздвигли на прежнее место.

– Все, – с гордостью выдохнул начальник швейцаров и устало промокнул вспотевший лоб рукавом нарядного нового пиджака.

Команда в едином порыве задрала головы и скульптурно застыла. В холле повисла театральная пауза. Во время кото-

рой, как известно, чем дальше, тем страшнее. Потолок был алюминиевым, а не бронзовым. Светло-серого цвета.

– Чего это вы тут делаете, а? – все так увлеклись, что совершенно забыли о скором явлении руководства.

Центральная настороженно застыла в дверях. Подчиненные молчали и почему-то не хотели смотреть в глаза. Потолок сиял. Но совершенно не тем цветом, которым бы хотелось.

– Вы что, шкурили его, что ли?!

Повисло нехорошее молчание. Пока Вероника не вспомнила возложенных на нее обязанностей зама и помощника, скромно констатировала:

– Да нет, просто вымыли.

Тут все закивали и стали доказывать, что действительно ничего такого не хотели и совершенно результата не ожидали. Центральная нахмурилась, поневоле отвлекаясь от разбрасывающего во все стороны блики потолка.

– Да уж, – мрачно подвела сама себе итоги. – Перестарались. Прежний был лучше.

– И что теперь? – жалобно спросил начальник швейцаров. – Обратно все восстанавливать?

У Светки отвисла челюсть. Да для этого надо лет тридцать курить во всем составе большого камерного оркестра и не проветривать помещение.

– Да ладно, – потеряла к потолку всяческий интерес Центральная. – Вам что, сегодня больше делать нечего? Сани-

тарную комиссию организуйте, что ли. Может, еще что-то доисторическое откопаете. Какого цвета крыша, например, была. Сто лет назад.

Нелегкие, одной ей известные думы омрачили светлое руководящее чело. Центральная прошла в свой новый кабинет. Еще пахнувший известкой и лаком. Вслед ей умильно смотрели восемь пар глаз.

– Че, мужики? – прочистив горло, спросил Майор. – Может, по единой?

Швейцары испугано замотали головами. Майор крикнул и потер небритую щеку.

– Всякое видал, – ворчал он, бредя в свою каморку, волоча по полу технические принадлежности. – Но это! Нет, не директор. Археолог какой-то.

Светка обратила недоуменную мордашку к старшим подругам по партии. Три разновозрастные девицы с минуту тарасились друг на друга. А потом свалились на пол в приступе немыслимого хохота.

Глава 13. Вероника. Тайна.

У Вероники была тайна, которую она тщательно скрывала от всех окружающих. Она полюбила. Неожиданно и бесповоротно. Все случилось так быстро и сумбурно, что она даже не успела отдать себе отчет, как и зачем все это с ней произошло. Самое интересное, ничего подобного с ней не случилось уже очень и очень давно. Если вообще когда-нибудь было в насыщенной событиями жизни.

Она исправно ходила на работу к Центральной. Но так как ей было четко и ясно дано понять, что в ближайшее время никаких серьезных заработков в фирме не предвидится, она привычно взяла подработку на стороне. А что такого? Съездить в ближайший мегаполис, привезти пару коробок с необходимым товаром на своих двоих под предзаказу. Что здесь неожиданного и непонятного? Тем более солидный опыт в этом деле имелся еще с бурных девяностых. Она быстро договорилась со своей старой подругой Сонькой. И вместе они решили не терять возможности подзаработать.

Сонька недовольно скривилась, но лениво поплелась к небольшому зеркалу в купе. Вид у нее был еще тот. Когда сначала яростно дерешься с мужем на почве банального семейного пьянства, а потом в панике начинаешь носиться по квартире с ледяными примочками и компрессами, результат всегда один. Получаешь ноющую зубную боль и ужасаю-

щий внешний вид. Словно по тебе только что проехал тяжелый танк. Большой железный ящик на гусеницах. «Привет, Крошка!»

«Нет, и думать не смей! Я на работе с огромным трудом отгулы взяла. Ну, давай, что-нибудь срочно придумай, ты же у меня умная и находчивая», – взмолилась Сонька.

Они в очередной раз тряслись в пыльном, пропахшем дешевыми сигаретами и потом купе старого вагона. Сонька свесилась вниз головой с верхней полки и умильно заглядывала в глаза Веронике. Шикарные ее космы болтались по неубранному столу, уставленному грязной посудой и остатками еды. Пока им везло. Ехали уже очень давно, а попутчиков все не было. Думай – не думай, мечтай – не мечтай, а работать в таком виде она точно не могла. Пришлось идти на какие-то радикальные меры. Медленно и неотвратимо их поезд приближался к молодежной сибирской столице. А там, глядишь, найдут хорошего палача-стоматолога и... на плаху, сударыня!

Работа под заказ, она такая. Тебе четко и ясно объясняют, куда поехать и что взять. Предварительные договоренности уже были, деньги получены, так что оставалось получить искомое и доставить. Криминал не предлагать! Все равно не взяли бы. Не Чикаго, конечно, но все же.

Главное в этом нелегком российском бизнесе – быть всегда первым. Первым выскочить из вагона поезда на перрон, одним из первых схватить таксиста или частника за самое

чувствительное место. Максимально быстро обеспечить себя товаром, а уж потом – первым пробиться в багажное отделение. Первым дать взятку сонной проводнице. И, если повезло, первым залезть на верхнюю полку и отоспаться два-три часа по дороге домой. Затем первым нарезать в вагоне-ресторане, чтобы не так страшно было ехать обратно.

Тут им опять жутко повезло. Потому что – одних из немногих – их действительно ждали на вокзале. И не просто ждали, а с неподдельным нетерпением.

– Привет, девчушки! – радостно и во весь голос кричит Лесовичок, увидев их измученные лица на перроне.

– Привет, старикашка! – в ответ вопит Сонька и тут же повисает на шее высокого, хорошо и стильно одетого парня. С его детским, почти ангельским лицом и наивными глазами они составляют ужасающе потешную и нелепую пару.

Девушка среднего возраста и весьма плотной комплекции. Разодетая во все возможные дамские ухищрения, дабы не отморозить себе несколько особо важных сокровищ в этой промозглой сибирской зиме. И нежный тонкий юный Бог. Который лет через десять сведет с ума если не половину, то значительную часть пока здравомыслящего женского населения этого большого города.

А сейчас он еще совсем ребенок в свои изнеженные двадцать лет. Охотно таскался с этой вопящей и пошло шутящей ордой. Их страшными коробками, набитыми чужим барахлом. Его блестящая темно-синяя Toyota RAV4 из послед-

них моделей покрывалась какими-то грязными веревками, следами копоты и разноцветными конфетными обертками. А виной всему – невинное и непонятное увлечение взрослой женщиной. И не аппетитной Сонькой, а ею. Не менее приятной во всех отношениях Вероникой. Того же самого среднего возраста. Той же самой вполне средней комплекции. Хорошо, чуть более, чем средней.

Знакомство Вероники и Лесовичка состоялось на веселой и шумной торговой базе. Оптовики, выдыхая пар, словно лошади, перли на тележках чудовищные полосатые баулы, перевязанные для крепости разноцветным скотчем, коробки и прочую производственную упаковку. В воздухе витал густой смоляной мат, сводящий с ума дразнящий запах недоступных из-за недостатка времени шашлыков и едкий запах выхлопных газов.

Вероника с Сонькой ничем не отличались от остальных. Кроме разве что яркой куртки Вероники. Она алым парусом была по глазам, выделяя подружек из толпы. Им в тот день не повезло с водителем. Тот, что вез их от самого вокзала, категорически отказался ждать с товаром. А теперь пойдй найди свободного. Они вяло волокли доверху набитые тяжелыми сумками тележки по разбитой множеством ног, хлопающей дорожке. Встречный ветер уже превратил их лица в краснокожие маски, с которых градом катились слезы. Идти было тяжело и ужасно хотелось есть. Но никто никого не спрашивал, да, собственно, никто никого сюда и не звал. Ни-

кто никому не мешал сидеть дома и горько плакать о своей несчастной судьбе, не получая заработную плату в течение полугода. В общем – все как у всех, ничего нового.

– А, черт! – ругнулась сквозь зубы Сонька. – Кажется, влипли. Чего ему надо, этому козлу?

От нарядной темно-синей Toyota RAV4 быстрым шагом к ним направлялся высокий парень. Он искренне улыбался им, демонстрируя белоснежные зубы. Мягкая замшевая куртка благородного бежевого оттенка небрежно обнимала его широкие, атлетические плечи. Очень зеленые лучистые глаза светились добротой и участием. Дорогие светлые джинсы.

– Вам куда? – вежливо спросил он.

– На вокзал, – неодобрительно буркнула Сонька, исподлобья глядя на незнакомца.

Иномарок раз и навсегда велено было бояться. Схватят, упрячут, и никто не найдет. Но мороз стоял – не спи! Сонька внутренне заметалась, а Вероника отрешенно стояла рядом с тележкой. Даже не пытаясь оторвать пальцы в наполовину отрезанных – для удобства подсчета денег – перчатках от ледяной ручки тележки. Неуловимым, неопасным движением он накрыл ее руку.

– Тепло ли тебе, девица? – и скорчил уморительную гримасу.

– Не хватай через край, чего! – одернула его Сонька, но быстрые подсчеты в ее пронырливом мозгу взяли свое. Ре-

шение было моментально принято. – За столько-то (назвала сумму почти вдвое меньше обычной цены) повезешь?

– Легко! – беспечно хохотнул юноша.

– Давай тогда, а то холодно, как у собаки на носу, – потопила его Сонька.

Рассовав многочисленный скарб по элегантному салону, подружки плюхнулись на заднее сиденье. Руки и ноги, как всегда после долгого охлаждения и бесконечной ходьбы по рыночным рядам, мелко тряслись и невыносимо ныли в тепле. Не сговариваясь, подружки стянули промерзшие перчатки и, сложив ладони чашечкой, принялись усердно дуть на побелевшие кончики пальцев. Лица из темно-розовых постепенно превращались в багрово-пурпурные. Водитель быстро занял свое место, и, обернувшись к ним, заговорщицки подмигнул.

– Может, по маленькой коньячку? Согреться?

– Первым делом – самолеты, дорогой, – строго пробасила Сонька. – И вообще, мы приехали не есть, а приобуться и приодеться!

Неожиданно для обеих парнишка густо покраснел. Аки маков цвет.

– Ну! Не так сразу! – пробормотал он смущенно.

Он повернулся к Веронике и с вызовом спросил:

– А почему ты все время молчишь? Совсем с разговорной речью плохо?

Вероника медленно и яростно закипала внутри. Вот за

свои же деньги еще и корчи из себя невесть что! Но тепло-то как!

Тут Сонька вовремя влезла в разговор:

– Да брось ты, давай уже, поехали, а то и так все хорошее упустили. А она в пути разговорится, когда окончательно оттает.

– Ясно, – засмеялся он. – Значит, ты Снегурочка.

– А ты, никак, сам Берендей, – застывшим голосом откликнулась Вероника.

Водила расхохотался.

– Да нет, я пока просто Лесовичок. Фамилий такой. Ну, родился я с такой фамилией. Вовка я.

Глава 14. Инга. Попал.

Инга не может отлепить свой горящий лоб от застывшего, ледяного стекла. Казалось бы, на улице еще не так холодно. Но стекло предательски притягивает и удерживает. Она полужелит, полусидит на широком подоконнике, вглядываясь в беспросветную тьму, плотной пеленой накрывшую город. Опять отключили свет во всем районе.

Опять у фирмы нет денег на оплату счетов. А откуда им взяться при таком объеме работы? Зачем только она, дура, вяпалась во все это? Все совершенно бесполезно и беспросветно. Центральный сказал, что денег на игры в бизнес больше не даст. Выкручивайся сама.

Инга медленно встает с подоконника и, покачиваясь, идет. Потому что, даже если никто не сможет встать на ноги и уверенно пойти вперед, она сможет. Она такая, справится. Все остальное вторично. В темноте звякает стеклянная тара. Конечно. Кто еще может потихоньку жрать эту дрянь, чтобы хоть как-то забыться и успокоиться? Под столом. Не залпом, нет. Просто по-маленькому, гомеопатическими глотками. Под кислый ломтик лимона первую, под маленький кусочек темного шоколада вторую, запить холодной водой третью. Утро – вечер, вечер – утро. День прошел, слава Богу.

Бесшумно выглядывает в темный коридор. Все. Прячется обратно. Обещала ведь сама себе. Да. Ну, не смогла, не

смогла остановиться. И все тут.

Инга сидит, уставившись невидящим взглядом в окно. Дождь монотонно барабанит по стеклу, отсчитывая секунды уходящего времени. Она чувствует себя загнанной. В адекватном мире таких пристреливают. Но не сейчас. Не ее. Все, что казалось таким перспективным и многообещающим в начале, теперь превратилось в запутанный клубок проблем и противоречий. Стоило ли ей вообще браться за этот бизнес? Сомнения грызут ее, как голодные крысы. Она понимает, что теряет контроль над ситуацией, что нити управления ускользают из ее рук. Старые связи уже не работают, новые еще не окрепли. Партнеры, словно стервятники, кружат вокруг, выжидая момента, чтобы урвать кусок пожирнее.

А муж... муж вообще не хочет ничего понимать. Уперся. Хохочет, доволен. Рад, что у нее ничего не складывается. Опять. Закрыл финансирование. На тупые эксперименты, видите ли, нет денег. Их отношения давно стали формальными, регламентированными. Но он должен ее поддерживать, всегда поддерживал, с чего бы ему останавливаться? Он может. Ему на такие мелочи плевать. Только опять прицепится со своими игрищами. Надоел.

Инга чувствует себя одинокой и несчастной. Она устала от постоянной борьбы, от необходимости быть сильной и уверенной. Ей хочется простого тепла, поддержки, понимания. И, может быть, чуть-чуть крови. Немного.

Под столом, почти не осознавая, она отхлебывает коньяк

из бутылки. Глоток обжигает горло и на мгновение притупляет боль. Но этого мало. Она делает еще один глоток, потом еще... Стесняясь, старается, чтобы никто не заметил ее слабости. Но остановиться уже не может. Алкоголь, как змея, медленно проникает в кровь, расслабляя и принося кратковременное облегчение. Недостаточное. Отравляющее. Она знает – потом змея окрепнет и сожрет ее. Изнутри.

В кабинет стучат. Не дождавшись ответа, Иван входит внутрь. Инга вздрагивает и пытается спрятать бутылку под стол. Бьется головой об столешницу.

– Извините, я не знал, что вы заняты, – бормочет Иван, чувствуя ее замешательство и отшатываясь. Только этого ему еще не хватало.

Инга поднимает на него затуманенный взгляд. Все эти условности, правила приличия... К черту все! Хватит притворяться. Ей что, действительно нужен начальник швейцаров, что ли? Смешно.

– Ничего, – хрипло отвечает она. – Проходи. Ничего важного не происходит.

Иван неуверенно останавливается возле стола. Что-то не так. Пахнет спиртным, духами и безнадеей. Запах последней он узнает из тысячи, ему есть что об этом рассказать.

– Что-то случилось? – спрашивает он, нервничая, пытаясь скрыть беспокойство.

– Вань? – едва слышно зовет она, с трудом сглатывая ком в горле. – Ты здесь? Темно.

Иван подходит ближе.

– Что случилось? Вы плохо выглядите.

Инга, шатаясь, подходит к столу и опускается в кресло прямо напротив него. Ей кажется, что ноги больше не держат.

– Мне плохо, Вань, – шепчет она, глядя ему прямо в сердце. – Вот прямо больно и плохо. Я всех ненавижу и тебя первым.

Иван молча смотрит на нее, растрепанную. Несчастную.

– Вам воды налить?

Инга вдруг встрепенулась и вцепилась в его слова, как утопающий в соломинку.

– Да! – почти кричит она с маниакальной настойчивостью. – Да, налить... Налей мне чего-нибудь! Только... чего-нибудь покрепче.

В ее глазах блеснул огонек, точно уже найден выход из тупика. В этот момент она думает только о себе, о раненом самолюбии, о рушащемся бизнесе. Она готова на все, лишь бы хоть на время забыться. Уйти от реальности. Исказить пространство.

Иван, не говоря ни слова, берет у нее из рук початую бутылку, наполняет чайную чашку до краев. Она жестом указывает на вторую. Одну пододвигает ему.

– Выпей, – почти приказывает она шепотом, впиваясь в него взглядом. – Выпей до дна. Может быть, тогда... станет легче. Ненадолго.

Он хочет что-то сказать, но не находит слов, смущается и молчит.

Она смотрит на него. Он берет чашку и, не отрывая взгляда от ее заплаканного лица, залпом выпивает содержимое. Коньяк обжигает горло и наполняет тело привычным теплом. Еще и коньяк хороший. Он чувствует, как к нему возвращается забытое чувство свободы и сладостного безразличия.

Инга облегченно выдыхает и опрокидывает свою кружку. Теперь они связаны одной цепью, одним пороком. Теперь они вместе будут тонуть и подыхать. Теперь они оба отбросы. Ненадолго. И ей от этого почему-то становится легче. Она не думает о последствиях. А даже если бы и думала, ей все равно. Собственно, он такая же жертва обстоятельств, как и она сама. Пусть терпит. Сам пришел.

В какой-то момент Инга чувствует непреодолимое влечение к этому человеку. Пусть молчит, делает свое дело. И все. Никаких обязательств.

– Вань, – тихо говорит она, не поднимая глаз. – Ты мне нужен.

Он протягивает руку. Накрывает ее ладонь своей.

– Вижу, – просто отвечает он.

Инга сжимает его пальцы. Больше не хочет сдерживаться. Зачем?

– Иди сюда, – шепчет скороговоркой, – Только без поцелуев, без нежностей. Все это глупости. Быстрее.

Иван резко поднимается, стул с грохотом откатывается назад. В три шага он преодолевает пространство между ними. Застывает на миг, точно сомневается. Как будто подумал, вдруг она будет сопротивляться? Инга встает ему навстречу. Губы встречаются жестко, почти болезненно. Инга чувствует вкус кофе и чего-то металлического – возможно, крови или просто адреналина. Его пальцы запутываются в ее волосах, тянут голову назад, обнажая шею.

Дверь остается распахнутой. Свет могут включить в любую минуту. Где-то в коридоре ходят люди. Это знание обжигает сильнее, чем его прикосновения. Каждый звук – скрип половицы, шум вентиляции – заставляет сердце бешено колотиться.

Он прижимает ее к стене. И холодная поверхность врезается в спину. Все происходит слишком быстро: руки, губы, прерывистое дыхание. В ушах звенит, в глазах плавают темные пятна. Иван тяжело дышит, прислонившись лбом к стене прямо над ней, его пальцы все еще сжимают ее плечи.

Иван первым приходит в себя, помогает ей выпрямиться – пальцы дрожат, но держат твердо.

– Иди, – ее голос звучит хрипло. Она не смотрит на него, поправляя сбившуюся блузку. Губы горят, волосы прилипли к щеке.

Он лишь кивает, не в силах говорить. Проводит рукой по лицу и быстро идет к выходу. На пороге оборачивается – она стоит, прислонившись к столу, с лицом, на котором смеша-

лись усталость и странное облегчение.

Дверь закрывается за ним с тихим щелчком. Она стоит, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Проводит языком по губам – вкус крови, соли и чего-то еще, чего не может определить. Тело ноет, но в груди странное спокойствие. Как после хорошей драки. Или просто жизнь теперь кажется острее.

Достаточно веселья на сегодня. Инга стоит посреди кабинета. Во рту вкус крови. Ну, не сдержалась. Зацепила мочку уха чуть-чуть. Ерунда все это. Что дальше? Элементарно. Пусть только пикнет.словно избавилась от тяжелого груза, который долго давил на нее. Как будто переложила на кого-то другого. Она должна была что-то изменить в своей жизни сейчас и здесь. Она изменила. Чуть-чуть.

Инга подходит к окну, смотрит. Дождь. Капли стекают по стеклу, серые слезы. Впереди ее ждут тяжелые времена. Она готова. Даст отпор всем врагам. У нее пока есть способ быть счастливой. На какое-то время хватит. А там видно будет.

И Центральный пусть не выделяется, он ее знает. Или он даст ей денег, или она их возьмет сама.

Серый какой-то. Кто такой?! Почему не знаю?! Отдай домик, отдай домик! Хрен тебе, а не домик. Мой.

Ванька, а что Ванька? Не хуже и не лучше других. Прочих, прежних. Кто-то тоже должен страдать. Рядом. «Я сказала, рядом!»

Вот теперь берегитесь. Все.

В коридоре, у стены, в темноте Иван садится на корточки, руки в волосах. Как хорошо, что темно. Два года – железная воля. Никаких слабостей. А теперь? Тело трясется, как у школьника. Она скомандовала – он прыгнул. Что за хрень? Что в нем такого? Почему она... Нет, она просто играет. Интересно, она поняла, что он... что у него долго никого не было? Чувствует, что ли? Еще и начальница. О, как все плохо-то. Где-то близко раздались шаги. Иван вскочил и бесшумно побежал по лестнице вниз.

Глава 15. Светка. Уборка.

Светка строчила протокол, не поднимая глаз. Меньше знаешь – крепче спишь. Планерка началась многообещающе. Плохо было все. Швейцары стояли не там и не так. Кругом грязь и тараканы. Бухгалтер – черт-те что. Даже документы на подпись подавались с орфографией и пунктуацией на уровне троечника средней школы. А в общем туалете бумага была *плохая*. *Царапала*. Кругом бардак. Ни у кого глаза не горят.

– И к сведению швейцаров! – грохотала Центральная. – Я вам покажу свободу и независимость! Еще одна девка в служебном помещении в ночное свободное время – можете тотчас же положить на стол заявление. Обзвоню жен, знакомых и ближайших подруг! Нечего забивать итальянские унитазы презервативами! А может, в целях сохранения целостности коллектива и здорового образа жизни, ввести ежемесячный медицинский осмотр? За счет персонала, разумеется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.